

Муниципальное учреждение Торопецкого района  
«Торопецкая центральная библиотека»

**Торопецкий край в годы  
Великой Отечественной войны**

г. Торопец  
2015 г.

## **От составителя**

Сборник «Торопецкий край в годы Великой Отечественной войны» подготовлен сектором краеведения Торопецкой центральной библиотеки. В него вошли статьи из районной газеты «Мой край» (ранее «Октябрь», «Знамя труда») опубликованные в разные годы, а также материалы из сборников, посвящённых этому периоду истории. Некоторые материалы публикуются в сокращении.

Сборник адресован работникам музеев, архивов, библиотек, преподавателям, краоведам, всем тем, кто интересуется историей родного края.

## 1 раздел Героическая оборона города

...Пылало небо дымными закатами,  
Горели сёла русские в ночи...  
А. Сурков «Родина»

Двадцать лет назад...

Чем дальше отступают в прошлое события Великой Отечественной войны, тем становится осязательнее величие подвига советского народа. Пожалуй, нет такого человека, у которого годы войны не отложили бы глубокий отпечаток в сердце. Особенно памятливы они моим сверстникам, которым в канун войны было по семнадцать-восемнадцать лет. Тогда мы были по-юношески романтиками, мечтали о подвигах, преклонялись перед героями.

– Понимаешь, – говорил мне Петя Кожевников, – обидно, что поздно родился, появился бы на свет лет двадцать назад – участвовал бы в Гражданской войне, дрался бы с белыми, как Павка Корчагин.

Милый друг юности. Ты и не знал, что через несколько месяцев будешь сам отражать яростные атаки фашистских танков на подступах к Сталинграду. Признаться, все мы не предполагали, что наступивший июнь сорок первого года круто повернёт наши судьбы.

Этот воскресный день 22 июня начался обычным солнечным утром. На душе было тихо и безмятежно. Окончена десятилетка, а дальше прямая дорога в жизнь. Еще на выпускном вечере, за четыре дня до этой даты, мы строили личные планы, клялись, в вечной дружбе одноклассникам, обещали каждый год встречаться вместе. Мы обнимали и целовали наших наставников: директора школы Свентикова, преподавателей Чистовского, Прима, Синайко, Осипову и вот — война!

Проходя по улицам города, я увидел озабоченные лица торопчан, люди собирались группками, обсуждая только что услышанное правительственное сообщение.

На перекрёстке улиц Советской и Карла Маркса у громкоговорителя собралась большая толпа. Передавалась последняя сводка Совинформбюро. Враг перешёл границу от Белого до Черного морей. Бомбили Киев, Харьков, Одессу и другие крупные города.

– Ничего, – говорили люди, это от внезапности. Завтра фашиста погонят обратно. Некоторые оптимисты даже заявляли, что Гитлер, мол, застрелился и на этом деле конец.

Многие старшеклассники побежали в райвоенкомат на Красноармейскую улицу.

— Запишите добровольцами, просили они – а то война окончится и её даже не увидим.

– Не торопитесь, — успокаивал их райвоенком, батальонный комиссар

Ливанов, – придёт и ваш черёд.

Фронт с каждым днем приближался всё ближе к Торопцу. Фашисты уже бомбили Полоцк, Себеж и Великие Луки. В начале июля над городом, появились первые группы самолётов противника и торопчане близко увидели лицо войны. Горела нефтебаза, станционные постройки, склады. Были жертвы среди местного населения. С запада потянулись эшелоны с ранеными красноармейцами, появились беженцы. В эти дни в райкоме партии шла лихорадочная работа. Сотрудники не спали несколько ночей подряд, организовывали вывоз оборудования предприятий, угон колхозного скота, направляли рабочих и колхозников на рытьё противотанковых рвов.

В это же время создавался партизанский отряд. Во главе его стали секретарь райкома т. Исаков, председатель исполкома т. Семёнов, председатель горсовета т. Рейскарт и другие коммунисты.

Торопец стал прифронтовым городом.

Наконец нам из военкомата пришли повестки: «Явиться 14 июля к 8 часам утра с вещмешками и продуктами на семь суток».

На следующий день ровно в восемь мобилизованные, среди которых я встретил многих своих одноклассников, собрались у здания школы № 5 (нынче Дом пионеров). Состоялся короткий митинг и прощание с родными и близкими.

Честно говоря, мы тогда думали, что война не продлится долго, что наше отсутствие, будет временное. Настроение у всех было торжественное, приподнятое.

Взволнованные речами на митинге, прощанием с родными мы покидали свой город. Всю дорогу от сборного пункта до села Знаменское мы оглядывались на Торопец, стараясь запомнить каждую улицу, каждый камень, каждый кустик. Мы снимали кепки и приветливо махали провожающим: «Прощай, любимый город», «До свидания, родные», «Ждите с Победой!»

Прошло двадцать лет. За плечами годы войны и суровых испытаний. На теле шрамы зарубцевавшихся ран. Я снова похожу по улицам родного города, вижу его окрестности, новые дома, новые предприятия, наших замечательных людей. На улицах и в скверах слышен безмятежный смех детворы и на душе становится легко и радостно. Ведь во имя счастья будущих поколений нам пришлось испытать много невзгод, а многим отдать свои жизни. Мы должны сделать всё, чтобы не повторились ужасы минувшей войны.

*Антонов В. Двадцать лет назад... // Октябрь. – 1961. - 21 июня.*

#### Оборона города

С начала Великой Отечественной войны вся жизнь и деятельность в Торопце была перестроена на военный лад. В короткий срок в

районе была создана мобилизационная комиссия, которая к 5 июля 1941 года завершила мобилизацию военнообязанных. Всего было призвано в армию сражалось на фронтах 14 тысяч торопчан.

Для сооружения полосы укреплений вокруг Торопца были мобилизованы и направлены на земляные работы девушки и женщины.

Для самообороны из юношей в Торопце и Плоскоши были созданы истребительные отряды, а для борьбы на оккупированной территории - партизанские отряды. В связи тем, что наш район находится под угрозой оккупации, руководство района провело большую работу по эвакуации населения, оборудования промышленных предприятий и учреждений, скота, сельскохозяйственной техники. Фронт приближался и надо было думать об обороне города. В это время под Великими Луками шли ожесточенные бои. 22-я Уральская армия всеми своими силами и средствами сдерживала натиск врага. Но силы были неравными, и части армии с боями отступали, оставляя населенные пункты.

К 24 августа 1941 года город Великие Луки был окружен немцами. Окруженным частям пришлось прорываться из города в восточном направлении. В ночь с 24 на 25 августа части 22-й армии прорвали кольцо окружения и начали движение в район станций Скворцово и Торопец.

Из воспоминаний защитников г. Торопца

19 июля 1941 года в город прибыл из Свердловска ремонтно-строительный полк, который распределил свои подразделения от Торопца до Великих Лук по шоссе и железной дороге для ремонта их после бомбежек противника. К 25 августа после прорыва фронта наших частей немцы по шоссе дороге двинулись к Торопцу, предварительно разгромив штаб строительно-ремонтного полка в Ущицах. Разрозненные подразделения строителей собрались, человек 60, за селом Пятницкое и заняли оборону между дремучим лесом и болотом. С одной стороны дороги - солдаты строительно-ремонтного полка, а с другой — подразделение А.В. Чапаева (сына легендарного Чапаева), командира артдивизиона, вышедшего из окружения со своими солдатами, и примкнувшие к ним другие солдаты разгромленных немцами частей, всего 30 человек. Вооружение занявших оборону солдат было очень слабое, но спасла местность и легенда, что этот участок обороняет хорошо вооруженный полк. Легенду эту просили передать в Пятницкое шедшего в это село деда. Что он и сделал. Это сдержало немцев от немедленной атаки. Приказ защитникам был таков – хоть на сутки задержать немцев.

Немцы провели разведку и к вечеру 28 августа пошли в обход на Старую Торопу. Наши бойцы выиграли время, и приказ командования был выполнен. Ночью подразделения снялись с позиций, ускоренным

маршем пошли к Торопцу и на рассвете 29 августа окопались юго-западнее города. Противник атаковал наши части, бой длился недолго. Наши подразделения были вынуждены отойти к Понизовью и дальше ко Ржеву.

Непосредственно оборона города была поручена полковнику Н. С. Дэви, который в начале войны был комендантом 42-го Шауляйско-Либавского укрепленного района, который сходу был захвачен противником, а его штаб был проведен в г. Полоцк для подготовки к обороне Полоцкого укрепрайона, расположившегося вдоль старой государственной границы. Полоцкий укрепрайон немцы взять не смогли, и только по приказу Верховного командования и в связи с угрозой окружения этот район обороны был оставлен нашими частями. После отхода от Полоцка командование Северо-Западного фронта приказало Н. С. Дэви провести подготовку обороны Торопца. Вырвавшиеся из окружения возле Великих Лук, наши части были сильно обескровлены. Возглавив оборону города, полковник Дэви всё-таки собрал из разрозненных отступающих солдат и офицеров около 400 человек и разместил их в окопах с северного и северо-восточного направления, откуда подошли к Торопцу передовые части противника. Подойдя к противотанковому рву, с десятков немецких танков остановились и, поддерживая атаку своей пехоты, с дистанции 150-200 метров били из пушек прямой наводкой по защитникам города. Все попытки Н. С. Дэви и командиров его штаба удержать наших солдат в окопах в создавшихся условиях были безуспешными. 29 августа 1941 года немцы захватили Торопец.

После сдачи Торопца полковник Дэви был назначен командиром 238-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии. 16 сентября 1941 года полк вёл бой в районе д. Суворово, с целью выбить немцев с левого берега реки Западная Двина, но выполнить задачу в этот день не удалось. На рассвете 17 сентября Н.С. Дэви сам повёл атакующие подразделения полка, но немцы открыли сильный миномётный огонь. Дэви получил два осколочных ранения (в область сердца и в левую руку) и был перевезён в д. Ключевое в медсанбат, где от ран умер. Он похоронен возле этой деревни.

Для Торопца начался тяжелый период оккупации.

*Васильев В. Оборона города // Мой край. – 1999. - 23 сент.*

Как обороняли наш древний город

День 22 июня 1941 года был воскресенье. Многие торопчане собирались провести выходной день на рыбалке, в лесу, на собственном участке. В субботу в школах города состоялись выпускные вечера, и юноши и девушки гуляли до утра по сонным улицам Торопца. День обещал быть безоблачным и теплым. А в это время на западных рубежах

уже шли бои, и бомбы падали на украинские города...

В книге «Совершенно секретно! Только для командования» мы читаем строки немецких военных донесений:

«30.7.1941 г. Южнее и юго-западнее Торопца происходят упорные бои.

...На центральном участке фронта следует перейти к обороне. На линии озеро Ильмень – Холм – Торопец оставить только небольшие заслоны. Танковые соединения следует отвести с фронта для ремонта и пополнения (в 16.00 генерал Йодль позвонил по телефону и сообщил, что фюрер следующее новое решение дал по вопросу дальнейших операций на Восточном фронте). В 24.00 Хойзингер доложил о том, что подписана новая директива верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ-34 от 30 июля 1941 г.), отвечающая нашим желаниям. Для участия в наступлении на Рославль следует привлечь 263 пехотную дивизию. Необходимо захватить Торопец. Относительно Торопца последует особый приказ фюрера, в котором будут указаны силы, необходимые для этой операции...

Это решение освобождает каждого мыслящего солдата от ужасающего давления сверху, наблюдавшегося за последние дни, которое ввиду непреклонной позиции фюрера создавало перспективу полной приостановки боевых действий на Востоке. Наконец-то снова проблеск...»

Во исполнения особого приказа фюрера немцы заняли Торопец и Торопецкий район. 29 августа началась оккупация. Но что предшествовало этому, какими силами осуществлялась защита древнего города? Заведующий Андреапольским краеведческим музеем Валерий Линкевич любезно предоставил нашей газете выписку из журнала боевых действий 390 артополка.

...

Полк без 3-го дивизиона не имел еще материальной части, а с 15 по 20 августа занимался оборонительными сооружениями на подступах к г. Торопцу.

С 25.8.41 по 29.8.41 крупные танковые и моторизованные части противника прорвали фронт обороны левого крыла 22-й армии, развивая удар на север и северо-запад, овладели районом ст. Великополье - село Ущицы и передовыми частями заняли район д. Пятницкое.

Полк занимал оборону иск. выс. 199,2, дер. Зеликовское, Харино, иск. Заречье, с задачей не допустить прорыва противника на гор. Торопец.

Противник с утра 29.8.41 начал наступление на правый фланг нашей обороны и, несмотря на упорное сопротивление, в 14.00 прорвал нашу оборону и вышел сев.-зап. Торопца в районе совхоза «Подгороднее».

Наши части под нажимом превосходящих сил противника с боем

стали отходить в восточном направлении. Полк, совершая отход, сосредоточился в районе опушки леса сев-вост. д. Планы. В боях за гор. Торопец бойцы, командиры и политработники проявили исключительный героизм и самоотверженность. Несмотря на отсутствие артиллерийских огневых средств, наши подразделения упорно сдерживали натиск вооруженного до зубов врага.

Питая глубокую ненависть к немецким оккупантам, артиллеристы научились во имя светлого, радостного будущего презирать смерть. Так было и в ту памятную августовскую ночь. Противник, готовясь к наступлению, сосредоточил на участке, обороняемом одной батареей, которой командовал мл. лейтенант Соколов, 10 танков.

Единственным проходом в район нашей обороны явился деревянный мостик, который не успели взорвать наши отходящие части. Надо было во что бы то ни стало взорвать этот мост и этим самым предотвратить проникновение фашистских танков в глубь нашей обороны: задача была не из лёгких. Мост был близко расположен от фашистского переднего края, и немцы простреливали все подступы к этому месту. Тем не менее выполнить эту задачу взялся красноармеец, разведчик 1 батареи, кандидат в члены партии т. Рассадин.

Взяв пару бутылок с горючей жидкостью и несколько гранат, Рассадин уполз в темноту. Вскоре в темноте вспыхнуло пламя. Немцы открыли по месту пулеметный огонь. Снова вспыхнуло пламя — и снова пулеметная очередь. Затем раздалось несколько взрывов, и немцы, явно обеспокоенные, открыли беспорядочный ружейный и пулеметный огонь. В небо полетела целая серия разноцветных ракет, но бойцы уже знали из прошлых боёв уловки врага и понимали, что этой беспорядочной стрельбой и бесцельным пусканием ракет фашисты успокаивают самих себя. Через некоторое время все стихло. Лишь дул холодный ветер, да с шумом падали на землю тяжелые капли дождя. Наконец из темноты показалась фигура Рассадина.

– Ничего не выходит, – сказал он. – Какой-то дурацкий мост, и огнём не горит, и гранаты его не берут. Придется просто его разломать.

И вооружившись ломом и топором, Рассадин снова уполз в темноту.

Вскоре раздался звук топора и скрип отдираемых ломом досок. Немцы опять открыли ураганный огонь по мосту, но Рассадин упорно, не считаясь с опасностью, продолжал разрушать мост.

Свыше двух часов длилась эта игра нервов, и к утру мост был разрушен. Усталый и промокший до нитки, но довольный Рассадин явился к своему командиру.

– Мост разрушен, – доложил он, – танки теперь не пройдут.

Настало утро. Воздух наполнился свистом вражеских мин и снарядов, это фашисты начали артподготовку.

В 8.00 фашисты пошли в наступление, но оно вскоре захлебнулось,

так как танки, дойдя до разрушенного моста, покружились и повернули обратно.

Так благодаря самоотверженности красноармейца Рассадина было сорвано фашистское наступление на левом фланге обороны. Также храбро действовало подразделение ст. лейтенанта тов. Шаповалова. На правом фланге нашей обороны красноармеец 5-й батареи Николаев в момент, когда фашисты пошли в атаку, хладнокровно в упор расстрелял 9 фашистских солдат и одного офицера.

Парторг этой же батареи тов. Двинов, несмотря на сильный минометный и пулеметный обстрел наших позиций, рискуя жизнью, переползал из окопа в окоп и личным примером воодушевлял бойцов на еще более упорное сопротивление фашистской атаке. В этом бою смертью храбрых погибли старшина 5-й батареи Соколов, сержант Никитский и другие.

Память о торопецкой обороне, о ее славных героях надолго останется в сердцах бойцов, командиров и политработников. Торопецкая оборона явилась серьезной боевой проверкой качеств личного состава. Она показала, что наши подразделения могут громить врага не только залпами своих мощных гаубиц, но и в пешем строю с винтовкой в руках.

*Как обороняли наш древний город // Мой край. - 1998. - 25 авг.*

### Обелиск у деревни Крест

...Жители деревни Крест Речанского сельсовета в эти дни вспоминают события огневого сорок первого года, когда бои шли на подступах к городу. Они чтят память безвестных героев, тех, кто отдал свою жизнь на торопецкой земле, защищая нашу великую Родину. Неподальку от деревни, справа от шоссе Великие Луки протянулся лес. Если вам придётся побывать здесь, то вы увидите среди елей и других деревьев памятник. На обелиске слова: «Вам, отдавшим пламя жизни ради жизни на земле», на обратной его стороне написано: «Никто не забыт, ничто не забыто». Какова история этого памятника? Житель деревни Крест Пётр Иванович Осипов, инвалид Великой Отечественной войны, вспоминает август 1941 года, когда советские войска с боями отступали к Торопцу. Одна из отходящих бронемашин скрылась в лесу под деревней и начала обстреливать наступающих по большаку гитлеровцев. Несколько фашистских солдат полегло от меткого огня советских воинов. Но тут появился немецкий танк. Выстрелом из орудия бронемашина была подбита, загорелась. В огне погиб и экипаж бронемашины.

После боя трупы двух неизвестных героев нашли колхозники и предали их земле на месте гибели.

Потом на этом месте был сооружён деревянный памятник, а сейчас стоит цементный обелиск, увенчанный макетом танка.

Никто из жителей деревни не знает, кто были погибшие герои, откуда

они родом. Но память о них жива.

*Обелиск у деревни Крест // Знамя труда. - 1972. - 20 янв.*

В августе сорок первого

В зареве пожара, грохоте разрывов снарядов, бомб, мин пришла на нашу землю война. Висели над городами, селами и дорогами стаи фашистских стервятников, перепахивали хлебные нивы гусеницы гитлеровских танков. Но победного марша у оккупантов не получилось. За каждый метр захваченной земли фашисты расплачивались дорогой ценой.

Так получилось и под Торопцем, где рубеж обороны занимали подразделения 46-й танковой дивизии под командованием Героя Советского Союза В.А. Копцова. Труден был путь нашей дивизии, отступавшей из Латвии. В ожесточенных боях, от бомбежек сильно пореди роты стрелков в танковых шлемах. Редкий батальон насчитывал в своем составе более 80-100 штыков. В 92-м танковом полку майора Н.Г. Косогорского на пять противотанковых орудий имелось всего по 16 снарядов. На исходе гранаты. Но и при таком положении наша часть не потеряла своей боеспособности.

Оборону перед Торопцем мы заняли на рассвете. Выкопать окопы в полный рост не успели. В расположении танкистов уже начали рваться первые снаряды. Поднялись в атаку густые цепи немецкой пехоты при поддержке четырех танков и броневика. По полевому проселку попытались прорваться в тыл вражеские мотоциклисты. Особенно трудная обстановка сложилась на участке обороны батальона старшего лейтенанта М.Е. Пятикова...

Отражая натиск противника, в контратаке участвовали все работники политотдела, оставшиеся без машин шоферы, повара, писари и вернувшиеся в строй легко раненные. Косил из пулемета фашистских автоматчиков начштаба капитан Шнайдер. Застрелил из пистолета двух гитлеровцев в рукопашной схватке начальник клуба политрук Огольцов. Захватили в плен мотоциклиста младший политрук Фомин и разведчик Щетинский. А на передовой ярким факелом пылал подбитый нашими артиллеристами танк. Осел рядом с ним броневомобиль со спущенными скатами. Пытавшихся спастись бегством вражеских танкистов уничтожали стрелки. И гитлеровцы начали отступать.

Передышка для нас была недолгой. Вскоре над дорогой появились самолеты, обрушившие бомбовой груз на батальоны лейтенанта Ф. Семенного и И. Олейника, а из кустарника снова показались боевые машины. Трижды еще пробовали захватчики прорваться в райцентр, но вынуждены были откатываться назад. В тот день фашисты понесли большие потери. Но были потери и у нас. Под давлением превосходящих сил противника нам пришлось отойти.

Теперь трудно перечислить всех отличившихся в боях под Торопцем. Родина оценила мужество солдат и офицеров 46-й танковой дивизии. 176 наших однополчан были награждены орденами и медалями. 15 сентября 1941 года они получили награды в Кремле из рук М.И. Калинина.

*Погребов Ю. В августе сорок первого // Знамя труда. –1985. - 13 апр.*

## 2 раздел Чёрные дни оккупации

### Эти чёрные дни оккупации

В конце августа 1941 года отгремели выстрелы и пулемётные очереди боя за посёлок Озерце Кудрявцевского сельсовета. На машинах, мотоциклах, танках двигалась по дороге на Торопец чёрная фашистская орда с лающей непонятной речью. В деревнях немцы стреляли кур, поросят, заходили, не церемонясь в дома, забирали всё, что им хотелось. Хозяев, сжавшихся от страха, не замечали. Не убивали, видно, потому, что было хорошее настроение от побед. С неделю через Озерце и Рокотово двигались немецкие солдаты и техника на Торопец, потом всё затихло. Притихли, затаились и жители деревень, стараясь, без особой нужды за ворота не выходить.

Выходили лишь на работу в поля, где надо было убирать урожай. Доходили тревожные вести из Торопца, где злобствовали фашисты, истязали и казнили торопчан. В лесах, местные жители находили трупы наших воинов, умерших от ран, хоронили их. Кормили, укрывали тех, кто выходил, из окружения, кто остался в немецком тылу. Носили для них в лес продовольствие, хлеб. В лесу у деревни Заборье нашли умирающего от ран солдата грузинской национальности, принесли его в деревню, выходили, и все дни оккупации по понедельникам брали в свои дома, лечили, ухаживали за ним, кормили, Звали его на русский лад Костей. А настоящего ни имени, ни фамилии его никто и не знал. С появлением нашей армии в январе 1942 года Костя, уже здоровый, стал воевать в её рядах.

Такой же случай был в деревне Тереховке, где жители спасли умирающего на окраине деревни советского воина, уральского паренька, выдав его за родственника семьи Федоровых. Спасенный, он дошел с нашей армией до Берлина, после войны работал на крупном заводе в Свердловске, писал письма благодарности за спасение в деревню Тереховка и Кудрявцевскую среднюю школу. Население помогало эвакуированным из Великих Лук и других мест Псковщины, принимая чужих людей в свои семьи, делясь скудными запасами продуктов. Можно только восхищаться добротой и отзывчивостью простых людей, моих земляков.

Но были и другие. За три месяца до войны в Озерце объявился новый житель, некий Цветков, сказавшись мельником, который и стал

работать на мельнице. С первых дней оккупации он развернул широкую деятельность по организации полицейского отряда. Этот отряд оказался самым крупным в районе и отличался особой жестокостью. Полицейские забирали у местных жителей коров, телят, овец, устраивали пьяные оргии. Напившись и наевшись, вызывали на свои сборища бывших советских служащих, учителей. Допрашивали с пристрастием, обвиняя в связи с партизанами, в недовольстве немецким порядком, грозились сдать в гестапо, засадить в тюрьму. В тюрьму был отправлен секретарь сельского Совета Василий Лукин, который там и умер. Полицейские вылавливали выходящих из окружения красноармейцев, издевались над ними, жестоко пытали, расстреливали. В январе в деревне Семенцево в суровый мороз группу их, пойманных в разных деревнях, вывели на улицу, раздели догола и обливали холодной водой, пока те не замерзли. Перед немцами же полицаи отчитывались, что уничтожают партизан.

В страхе держали полицейские местное население, за малейшее подозрение в помощи партизанам избивали, грозили казнью и гестапо.

6 ноября 1941 года из Торопца в Озерец прибыл карательный отряд фашистов. В ночь на 7 ноября Озерец был сожжён. Сгорела Первомайская больница, здания сельского Совета, клуба, почты, двух магазинов, сельпо, пекарни, лесничества и другие. Днём 7 ноября отряд появился в деревне Рокотово, где был подождён бывший двухэтажный барский дом, заселенный колхозниками, гумно и другие строения. Были схвачены вернувшиеся домой из окружения офицер Алексей Дмитриев, а также Василий Иванов и Федор Дубровский. Их довели до деревни Гушино, где они вырыли себе могилу, поставили их на её краю и расстреляли.

Первого старосту деревни Рокотово Егора Карзова, которого выбирали все деревенские жители, полицаи отвезли в Нелидовскую тюрьму по подозрению в помощи партизанам и назначили нового, недалекого по уму мужика Михаила Иванова, грубого и злого, который всё время ходил с ременной плёткой и никому не давал сказать слова. В семьях для фашистов он отбирал шубы, рукавицы, валенки, овчины. Дома у себя завел батрака, пленного учителя из Москвы, заставляя того топить печь, готовить дрова, чистить в хлеве навоз, убирать снег со двора, награждая беднягу за работу тумаками. По вине этого старосты погиб парнишка Петя Борисов, которого он отправил в Торопец возить со станции снаряды к немецким орудиям. Первую же партию этих снарядов Петя до города не довез, сбросив их в кусты в глубоком снегу у озера, решив сбежать. Но, зная крутой нрав старосты, лошадь бросить не посмел. В Добшо его догнал на мотоцикле немецкий переводчик и расстрелял в упор.

Много страха натерпелись люди в чёрные дни немецкой оккупации, много слез пролили по родным и близким, мужественно перенося голод,

холод и болезни. Никогда не забудут эти дни те, кто их пережил.

*Цветкова Р. Эти чёрные дни оккупации // Мой край. - 1995 – 2 Январ.*

«Кукушкина гора»

«Вспомним всех

поименно,

горем вспомним

своим

– это нужно не мертвым,

– это нужно живым!

Как-то летом я на скромном, но надежном «Запорожце» ехал я из Плоскоши в Торопец. У пестряковского поворота обратил внимание на военного, который стоял у дороги. Притормозил, остановился. Он спрашивает:

– Вы не в Торопец?

– В Торопец?

Мой попутчик - полковник Константин Евгеньевич Иванов, кандидат исторических наук, преподаватель одной из московских академий оказался на редкость интересным собеседником. Проехали Нишевицы. На повороте, не доезжая «Кукушкиной (Якшинской) горы», Константин Евгеньевич попросил остановиться. Справа от дороги небольшое поле. В те лето оно дружно колосилось рожью.

Подхожу к Константину Евгеньевичу, который стал у края хлебной нивы.

– Александр Иванович, – сказал он – поклонимся этому полю.

Иванов снял головной убор и склонил голову. Я последовал его примеру. Постояв несколько минут в скорбном молчании, Константин Евгеньевич стал вспоминать далёкое прошлое. Когда-то старая дорога, спускаясь с «Кукушкиной горы», проходила по этому полю. Именно здесь сорок с лишним лет назад разыгралась кровавая трагедия.

– Было мне тогда 14 лет, жила наша семья в деревне Русаново. Поздней осенью 1941 года дошли до нас слухи, что у «Кукушкиной горы» фашисты зверски расправились с большой группой женщин, детей и подростков. Не знаете ли вы подробностей этой трагедии? – спросил у меня Константин Евгеньевич.

Ничего об этом случае я не знал, хотя и прожил в Торопце около 20 лет. Не было никаких сведений об этом и в нашем краеведческом музее. В канун 40-летия Победы в Великой Отечественной войне с помощью Константина Евгеньевича и жителей деревень Полибино, Задний Брод, Нишевицы, Красноселье и Валаево мне удалось выяснить некоторые подробности той дикой расправы.

Ранним утром 28 октября 1941 года мирные жители, среди которых были женщины с детьми и подростки, отправились в Торопец. По

оккупированной фашистами территории тогда боялись ходить в одиночку, вот и собрались вместе люди из Красноселья, Краснополяца, Полибино, Заднего Брода, Валаево и других деревень. Шли с надеждой достать соли, а некоторые, прослышав, что в Торопец немцы пригнали пленных красноармейцев, надеялись увидеть своих родных.

Около тридцати человек уже подходило к «Кукушкиной горе», когда их остановил шум моторов.

– Немцы! – раздался тревожный крик одного из подростков.

И в ту же минуту все увидели два немецких грузовика, битком набитых гитлеровскими солдатами.

Все как по команде побежали врассыпную. Фашисты, а это были каратели, посланные на борьбу с партизанами, открыли по безоружным мечущимся в страхе людям огонь из автоматов и пулеметов. Потом выпрыгнули из машин и, догоняя, убивали всех, кто еще был жив.

Но Петру из деревни Белоглазово удалось спастись. Как только начали стрелять фашисты и стали падать справа и слева сраженные пулями люди, Петр сначала побежал вдоль дороги, по ее обочине. Рядом с ним бежала Анна Прушкевич из деревни Задний Брод, их перегнала молодая девушка, на вид совсем подросток. Пётр было побежал за ней, но увидел в стороне молодой ельник и юркнул в него. Там оказалась ямка, где он и затаился, наблюдая за происходящим.

Двое фашистов погнались за Анной, а ещё один повернул в лес и, протопав у самых ёлочек, где спрятался Пётр, побежал за девушкой-подростком.

Каратели догнали Анну, один из них на ходу сильно ударил ее прикладом. Анна упала у дороги, возле телеграфного столба, приподнялась и, защищаясь руками от новых ударов, закричала:

– Не убивайте, не убивайте! У меня дома маленький!

Фашисты схватили Анну и с размаху ударили головой о телеграфный столб, та затихла. Немцы ещё раз ударили её головой об столб, бросили на землю и уже бездыханное тело женщины проткнули штыками.

Через некоторое время из глубины леса раздался крик:

–Мама, ой мамочка...а...а!

Крик оборвала длинная автоматная очередь, и Пётр увидел, как фашист вернулся к дороге, волоча за волосы окровавленный труп девушки.

Пётр был первым, кто поведал людям о злодеянии фашистов у «Кукушкиной горы».

Через несколько дней фашисты схватили Петра, и больше его никто не видел. Дознались, наверное, гитлеровцы о том, что он видел их расправу, да еще всем рассказывает об этом, вот и убрали свидетеля.

Среди женщин, подростков и детей, зверски убитых у «Кукушкиной горы» гитлеровцами в тот осенний день военного лихолетья, были шесть

человек из деревни Валаево, что в двух, километрах от Красноселья Плоскошского сельсовета.

Долго ждали односельчане своих посланцев за солью, неделя прошла, вторая на исходе, а их нет и нет. Волноваться стали, не случилось ли чего? У многих ведь дети, а у Киры Николаевны Смирновой - четверо и муж на фронте.

В скором времени в Валаево пришел старик будто бы из деревни Якшино. Прошел в правление, сел и молчит. Стали люди собираться, что за старик, зачем пришёл?

Посидел, посидел старик, ждал, видно, чтобы людей побольше подошло. Потом вынул из кармана тряпицу, развернул и положил на стол. Глянули люди и ахнули. В тряпице-то окровавленные справки, с которыми их односельчанки в Торопец за солью пошли. Заголосили, запричитали женщины, заплакали дети. А старик рассказал о том, как недели две назад немцы погнали его к «Кукушкиной горе» и с тремя другими мужиками, которых он не знает, заставили копать ямы, чтобы зарыть женщин, детей и подростков.

– Перебили они там. рассказывал старик – где-то около тридцати человек, разве всех сочтешь, если над душой стоит с автоматом зверюга. Ваших-то женщин я знал, до войны бывал у вас в колхозе. Отдельную ямку им вырыл, приметку поставил, где закопал. Это чтоб потом узнать при случае. Закончили мы, значит, это скорбное дело. Немцы тех троих, что со мной работали, с собой куда-то увезли, а меня отпустили. Седьмой десяток уж мне, какой им от меня прок? Собрался вот и пошёл к вам. Не обессудьте, что худую весть принёс.

Фашисты не позволили родственникам перезахоронить несчастных. И только когда в конце января 1942 года, когда наши войска освободили район, при активной помощи полковника Красной Армии Федора Дмитриевича Пименова - он выделил автомашину и солдат в помощь - трупы шестерых односельчанок жители деревни Валаево перезахоронили в торжественной обстановке в братскую могилу на красносельском кладбище.

«Кукушкина гора» как долго ты хранила страшную тайну! Здесь на небольшом поле, что раскинулось у твоего подножия 28 октября 1941 года среди других жертв были зверски убиты фашистами:

Анна Фроловна Прушкевич, сестра Николая Фроловича Яковлева, который проживает в деревне Задний Брод; Иван Филиппович Филиппов из этой же деревни; Катя Новикова и Вася из деревни Полибино; а также жители деревни Валаево – Кира Николаевна Смирнова, мать Константина Ильича Смирнова, который живет сейчас в деревне Валаево и работает в Красносельском отделении колхоза «Смена»; Мария Пименова, Анна Иванова, Анна Стройнова, Анна Голубева.

Имена других зверски убитых фашистами у «Кукушкиной горы»

предстоит еще установить юным следопытам школ нашего района. Кстати, эту работу они уже начали.

Хочется выразить уверенность в том, что Плоскошский сельский Совет найдет возможность облагородить братскую могилу женщин на красносельском кладбище с указанием имен погибших.

А у дороги, на краю поля, что раскинулось у «Кукушкиной горы», может быть, будет установлен скромный обелиск или хотя бы щит примерно с такой надписью: «Люди, поклонитесь этому полю! Здесь в октябре 1941 года фашистские изверги зверски убили женщин, детей и подростков только за то, что они хотели жить!» И это было бы еще одним подтверждением того, что у нас никто не забыт и ничто не забыто.

*Кулёвкин А. «Кукушкина гора» // Знамя труда. - 1985. – 27 апр.*

### Торопецкая Хатынь

Торопец, небольшой городок у отрогов Валдая, фашисты захватили в августе 1941 года. Не только человек, даже природа осиротела с приходом в наши края этих «цивилизованных» варваров, принесших на своих штыках ненавистный советским людям «новый порядок», который и заключался в том, чтобы чинить злодеяния, уничтожая, насилуя, сжигая ни в чем не повинных людей: женщин, детей, стариков. Разве можно забыть Бабий Яр Киева, крематории Освенцима, Майданека и других лагерей смерти, Хатынь многострадальной Белоруссии?..

В нашем районе есть своя, торопецкая, Хатынь. Это деревня Сувидово Грядецкого сельсовета. Карательный отряд фашистов ворвался туда 21 октября 1941 года. Жителей, кого застали на месте, согнали в дом Ратниковых. Среди них была и семья Харитоновых. Только в этой семье было 10 детей. Самой бойкой из них была Анна, ребята прозвали ее «Нюрка-солдат». Прозвали за то, что шестиклассница не давала спуску никому, даже мальчишек, случалось, лупила. Школу Нюра любила крепко. Несколько раз зимой она прибежала из Сувидова в Грядцы почти босиком. Появится в школе, учителя и ахнут:

– Как же ты так?

– Учиться хочу, – отвечала Нюра, – а отец заставляет ребят нянчить и поршни спрятал, чтобы в школу не ушла... (Поршни – это самодельная обувь)

После того, как все население деревни согнали вместе, офицер на ломаном русском языке спросил, все ли жители деревни собраны. Харитонов сказал: «Я дочку кликну, она тут поблизости скот пасет». Еще несколько человек побежали звать своих родных, что были в отлучке неподалеку. Отец, увидев дочь на ближнем лужке, крикнул: «Нюрка, иди в деревню, немцы всех собирают». «А скотина как? – ответила та. – Не пойду».

Не знала Нюра, что видит отца в последний раз.

В тот день в деревне Сувидово фашисты убили и сожгли 67 человек мирных жителей, женщин, стариков и детей, уничтожили в огне 30 домов, по сути всю деревню.

Из объятый пожаром деревни Сувидово карательный отряд отправился через хутор в деревню Заовражье. Когда гитлеровцы пришли на хутор, жители, собравшись в одном доме, обедали. Большинство сидело за столом, несколько человек находились на кухне, а Мария, молодая женщина, пошла со своей подругой в кладовку за салом.

Фашисты, ворвавшись в дом, расстреляли всех. Мария с подругой ползком добрались до овражка, а оттуда до леса рукой подать. Мария сказала: «Айда к лесу...» «Сомлела я, - ответила ей подруга, - ты беги, а я здесь останусь».

Мария выскочила из овражка и побежала. Лес был уже совсем близко, когда раздались выстрелы, потом еще и еще. Мария споткнулась, сделала несколько шагов и упала. Полежала немного и поползла. Гитлеровцы, увидев, что не убили, а только ранили женщину, кинулись ее догонять...

На следующий день, когда оставшиеся в живых жители деревни Заовражье пришли предать земле тело Марии, они увидели страшную картину: тело женщины было изуродовано, прямо-таки разодрано на части штыками...

Здесь же на хуторе гитлеровцы зверски убили подростка – комсомолку Машу Васильеву. Когда каратели подходили к хутору, она с подругой решила спрятаться в лесу, благо он был рядом. И тут Маша вспомнила:

– Ой, комсомольский билет в доме остался! Подожди здесь, я за ним быстро сбегаю.

Подруга отговаривала, но Маша решила:

– Нет, я пойду.

Лес кончился, дальше она ползла огородами и уже добралась почти к самому дому, как раздались выстрелы. Стреляли в Маню. Она вскочила и тут же упала. К ней подошли два гитлеровца, взяли за руки и ноги, раскачали и бросили в горящий дом...

Когда гитлеровцы оккупировали наш район, семью Васильевых из Заовражья они отселили подальше от большака, в Гальяново. Не дали даже картошку выкопать. А при фашистах жилось голодно. В октябре 1941 года отец Евгения Тихоновича Васильева, заведующего начальной школой, что находилась в Заовражье, на лошади съездил из Гальянова в Заовражье. Вернувшись, сказал, что в деревне пока тихо, гитлеровцев нет. Решили, не откладывая, выкопать там картошку. 21 октября семья Васильевых недалеко от деревни Заовражье копала картошку и не знала о надвигающейся беде. Каратели ворвались туда во второй половине дня. Оцепили деревню, подожгли дом Машенковых. Дом пылал, а тем

временем гитлеровцы согнали всех жителей, разделили их на две группы: в одной женщины, в другой мужчины. Потом женщинам разрешили идти домой. Предчувствие беды удерживало их на месте. Отойдя в сторону, стали ждать. Офицер подошел к группе, где стояли мужчины, старики, подростки и спросил на ломаном русском языке:

– Кто ест коммунист, комсомолец, активист?

Все хмуро молчали. Гитлеровец, срываясь на крик, повторил вопрос. Из группы, глупо улыбаясь, вышел умственно отсталый Александр Васильев. В народе его звали «Сашка Барин». Дурашливо хихикая, он тыкал пальцем то в одного, то в другого, приговаривая «комсомолец», «комсомолец». Фашисты схватили шестиклассника Лешу Константинова, семиклассника Володю Лагунова и поставили их на краю канавы. Туда же солдаты поставили еще шестерых мужчин и стариков.

В это время Володе Громову удалось незаметно отойти за ближайший сарай. Недалеко от него он увидел лошадь, вскочил на нее и поскакал. Гитлеровские солдаты стали по нему стрелять. После первого же выстрела Володя, вскинув руки, упал с лошади.

Враз стало тихо, люди, оцепенев от ужаса, молчали. В наступившей тишине зловеще прозвучал вопрос офицера: «Кто еще ест комсомолец, активист?»

– Учитель, – глупо улыбаясь, сказал «Сашка Барин», – учитель картошку копает.

– Где копает? – спросил офицер.

– Там, – показал рукой Сашка.

Офицер грубо толкнул Сашку к краю канавы, туда, где уже стояли восемь человек. Короткая команда. залп, другой, и девять человек, сраженные гитлеровскими пулями, упали в канаву. Офицер с несколькими солдатами быстро зашагал из деревни к полю, туда, где Васильев Евгений Тихонович с отцом копали картошку. Валентина Ивановна Васильева, учительница, жена Евгения Тихоновича еще в обед пришла в деревню варить картошку и отнести горяченькой на поле. Она была свидетелем зверской расправы фашистов над жителями Заовражья. И когда офицер с солдатами пошли по дороге к полю, она кинулась туда кратчайшим путем, через перелесок. Евгений Тихонович с отцом споро работали, как вдруг услышали в деревне выстрелы, потом еще и еще.

– Фашисты, – сказал Евгений Тихонович.

– Они, сынок, они прокляты, – с болью и грустью сказал отец.

Решили спрятать лошадь в ближайшем лесу. Когда вели ее туда, в деревне вновь раздались выстрелы. Спрятав лошадь, направились было к дороге, что ведет в деревню, как увидели: из перелеска по полю к ним спешит Валентина Ивановна.

– Бегите, – едва переводя дыхание, сквозь слезы сказала она, – людей

убивают и вас убьют...

Не до подробностей было, увидели, что из деревни к ним идут гитлеровцы, офицер и несколько солдат. Скрыться не сумели. Евгения Тихоновича Васильева схватили и увели в школу. Случайным свидетелем того, что происходило здесь, оказалась одна из женщин, которую оккупанты заставили носить воду и топить печь. Как только учителя привели в школу, офицер начал допрос.

– Вы ест начальник школа. Эта карашо, – сказал офицер и начал выпытывать, кто в деревнях комсомолец, активист, коммунист. Евгений Тихонович спасет себе жизнь, если сообщит об этом.

Офицер положил перед Евгением Тихоновичем бумагу, карандаш и сказал:

– Пишите и будете жить, мы вас наградим. Иначе – смерть.

Евгений Тихонович ответил:

– Ничего писать не буду.

В это время в класс, где шел допрос, вошел солдат и что-то сказал по-немецки.

Офицер утвердительно кивнул ему. Солдат вышел и сразу же другой солдат ввел в комнату Валентину Ивановну, жену Евгения Тихоновича.

Офицер сказал:

– Свидание десять минут, –и вышел с солдатами из класса.

От предчувствия страшной беды она не могла произнести ни слова. Смотрела на мужа, по щекам неудержимо текли слезы.

– Береги себя, Люсю, – сказал Евгений Тихонович, и почти тут же вошел офицер. Произнес:

– Свидание окончено.

Валентина Ивановна сделала несколько шагов к двери, покачнулась и потеряла сознание. Фашистские солдаты схватили ее, выволокли из школы, бросили у крыльца. Офицер прошелся по классу, посмотрел на чистый лист бумаги, раздраженно произнес:

– Не хотите писат, говорите, кто ест комсомолец, коммунист.

Евгений Тихонович спокойно ответил:

– Говорить с вами не о чем.

В бешенстве офицер подскочил к Евгению Тихоновичу, сильно ударил по лицу и, выходя из класса, что-то сказал солдатам. Жители Заовражья видели, кто из окон, а кто из-за дома, как офицер и пьяные солдаты вели заведующего школой Васильева Евгения Тихоновича, видели, как к офицеру подошла 70-летняя старушка и, вцепившись в полы офицерского сюртука, кричала:

– Куда, куда вы ведете? Он никому плохого не сделал, он детей учил, отпустите учителя!

Офицер сильно ударил по рукам старушки, схватил ее за плечо, швырнул к Евгению Тихоновичу и сказал:

– С ним пойдешь...

Гитлеровцы поставили их рядом у стены сарая. Раздался залп, учитель вздрогнул, но остался стоять, не упал. Старушка схватилась руками за живот, согнулась, сделала несколько шагов вперед и ткнулась лицом в землю. Раздался второй залп. Евгений Тихонович упал, снова поднялся и встал, преодолевая боль, крикнул:

– Красная Армия придёт, за все вам отомстит.

Раздался третий залп. Васильев Евгений Тихонович упал и затих. Фашисты не разрешили убирать тела убитых. Но когда они шли из деревни, жители Заовражья захоронили 12 человек односельчан в братской могиле.

Несколькими месяцами позже, в январе 1942 года, уже перед самым освобождением Торопецкого района от фашистских оккупантов, гитлеровцы зверски убили в деревне Лоховка Грядецкого сельсовета коммуниста, учителя Дубовогорской школы Павла Баранова. Вот как это было.

В январе 1942 фашисты послали в извоз Павла Баранова и Германа Грядецкого, заставили их возить сено и снаряды в ящиках в сторону Старой Торопы. Несколько дней Павел и Герман работали в извозе. Несколько возов сена спрятали в лесу, а когда возили снаряды, несколько ящиков утопили в реке Торопе. Гитлеровцы заподозрили неладное, не досчитавшись, очевидно, большого количества грузов. Германа и Павла арестовали.

Грядецкому удалось бежать, до самого прихода Красной Армии он скрывался в лесу. Продукты в лес на лыжах носил ему брат Сергей.

Павла Баранова гитлеровцы привезли в Лоховку, туда же затребовали старосту Гусарова и волостного старшину Федосеева, который до революции был городовым в Торопце. Гусаров и Федосеев выдали Павла Баранова. Подтвердили, что он коммунист, учитель Дубовогорской школы. В избе Конновой Марии Петровны, в деревне Лоховка, Павла Баранова зверски пытали. Фашисты били его шомполами и прокалывали тело штыками, морозной январской ночью, раздетого, едва державшегося на ногах, вывели за деревню и расстреляли у большой березы.

...Уходят все дальше и дальше в историю те страшные годы военного лихолетья. Говорят, что время горы рушит, горе глушит. Но сколько бы лет ни прошло, мы никогда не забудем и не простим фашистам тех зверств, которые чинили они в нашей стране и на территории других государств.

Забыть это - значит предать тех, кто отдали свои жизни за нашу жизнь.

*Кулёвкин А. Торопецкая Хатынь // Знамя труда – 1987. – 28 февр., 5,10 марта.*

## Кудинская трагедия

*«Полечу орлицей быстрою,  
над полями, над овинами,  
отыщу могилу сына милого,  
единственного!»*  
*Роберт Рождественский*

Среди светлых сосновых лесов, на берегу живописного озера привольно раскинулись две небольшие деревеньки Кудино и Заречье. Разделяет эти деревни неторопливая, тихая река Торопа. И до чего же красивы эти места! Красивы неброской неповторимой русской красотой.

Но совсем не потому так остро и глубоко, волнуют эти места, особенно когда взойдешь на взгорок в деревне Кудино. ...

Именно на этом взгорке, у стен Кудинской школы 18 января 1942 года, за десять часов до прихода советских воинов, произошла одна из многих трагедий военных лет.

Трагедия, о которой сейчас напоминает скромный безымянный обелиск за металлической оградой. На обелиске - красная звезда и табличка из нержавеющей стали с надписью «Жертвам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

Тем, теперь уже далеким январским днём, фашистские каратели испепелили почти всю деревню Кудино, расстреляли и сожгли 15 человек, мужчин, женщин, стариков и подростков. Днём фашистские каратели ворвались в деревню Кудино и стали выгонять людей из домов. Сюда же сгоняли жителей Заречья.

Собрали всех у школы. Долговязый гестаповец по-русски сказал: «Признавайтесь, кто ест партизан?»

Люди молчали. Тогда всех стали загонять в школу, говоря при этом: «Полчаса на размышление, не скажете, кто партизан, - всех сожжем живьем».

...Кулагины были дома. Дарья хлопотала около малышей, двух сыновей, один из которых грудной, когда к ним ворвались каратели и приказали всем идти к школе. Муж сказал Дарье, чтобы та осталась с детьми и ушёл. Через несколько секунд в дом снова ворвались каратели, вытолкнули Дарью на улицу, как была в легком ситцевом платье, на мороз.

Дарья пыталась объяснить фашистам, что холодно, просила разрешить одеться. Долговязый фашист сказал: «Одеваться не

надо, вам всем скоро будет жарко».

И вот сейчас, когда стали загонять людей в школу, Дарья, как бы очнувшись, вспомнила о детях, о малышах, которые, в этот тревожный час остались дома одни. Дарья бросилась к долговязому гитлеровцу, стала кричать, просить, требовать, чтобы ей разрешили пойти к детям. Гитлеровец сказал, чтобы она быстро вернулась к школе с детьми, и приказал одному из карателей конвоировать Дарью.

Подгоняемая конвоем Дарья быстро шла по улице. Крещенский мороз был крепок, но она не чувствовала холода. Оберегала только груди, прикрывала их руками - не застудить бы, маленького кормить надо.

В деревне уже горело несколько домов. Тревога и страх все больше и больше овладевали женщиной. А когда еще далеко, там, на самом краю деревни, Дарья увидела свой дом, объятый дымом и пламенем, силы покинули ее.

Горел ее дом, а в доме сыночки! От горя и ужаса Дарья лишилась чувств и упала в снег. Каратель остановился, посмотрел на мертвенно бледное лицо молодой женщины, безжизненно распластавшейся на снегу, подошел ближе, ударил ее сапогом в живот.

Женщина не подавала признаков жизни. Гитлеровец, подгоняемый морозом, быстро пошел к школе.

– Очнулась я от тепла, – рассказывает Дарья Селиверстовна, которая живет сейчас в деревне Кудино. Рассказывает старая женщина и не может сдержать рыданий.

– Страху мы тогда натерпелись... Очнулась я и сразу о детях. А мне говорят: здесь они. Односельчане подобрали меня и сыновей моих из огня, спасли. А вот мужа, мужа моего вместе со всеми у школы...

Дальше пожилая женщина ничего говорить не может...

А из школы согнанные в неё люди в окна видели, как в морозное январское небо поднимаются черными столбами дымы, люди видели, как горели их дома, и молчали, молчали в предчувствии чего-то еще более страшного.

Видели они, как к школе шел Михаил Орлов. Одиннадцатилетний Саша, сейчас Александр Тимофеевич, Лаврентьев, живет в Торопце, работает электросварщиком на швейной фабрике, со своими сверстниками в щель неплотно

прикрытой двери видел, как Орлов, войдя в школу, подошел к долговязому фашисту и подал ему сверток бумаги. Фашист пожал руку Михаилу Орлову, после чего тот быстро ушел. (В 1942 году в Калинин Орлова Михаила судил военный трибунал. Сейчас его нет в живых. В качестве свидетеля на суд ездила Шемель Варвара Павловна, она умерла в 1974 году).

Через несколько минут после того, как ушел Орлов, долговязый фашист сказал:

– Выходи по одному. Тепер мы знайт, кто ест партизан.

Люди по одному стали выходить из школы, каратели каждого тщательно обыскивали. После обыска жителей разделили: женщин – в одну сторону, мужчин – в другую. Вот уж и последнего человека вывели из школы.

Тогда долговязый гестаповец достал список (живые свидетели тех событий предполагают, что именно этот список принес и отдал карателям Орлов) и стал по нему называть фамилии и имена, приказывая выйти и стать к стене.

Нескольких человек, чьи фамилии были названы фашистом, не оказалось среди присутствующих. Володя Лаврентьев тоже был назван по списку, но он успел спрятаться, потому и остался жив. Сейчас Владимир Тимофеевич Лаврентьев живет в деревне Кудино.

Всех, кто оказался у стены школы, фашисты расстреляли из пулемета на глазах односельчан. Потом облили горячей смесью стены, тела и подожгли.

Горела школа, горели те, кто только что был жив, горели одиннадцать дворов деревни Кудино. Каратели никому не разрешали уходить от школы, и люди с немым ужасом смотрели это страшное зрелище. Но вот один из расстрелянных, уже объятый пламенем, пошевелился, приподнялся на руках. Стоящие впереди ахнули:

– Иван!

Лаврентьев был еще жив. Он со стоном обратился к женщине, которая ближе всех стояла к нему.

– Тётя Настя, ой, как жарко, тетя Настя, – просил он, – оттащи меня...

Женщина сделала несколько шагов к школе, но гитлеровцы бросились к ней и грубо оттолкнули назад, туда, где стояли подавленные горем и ужасом односельчане. Один из карателей

подошел к Ивану и выстрелил ему в голову.

...Здесь, у стен Кудинской школы, в тот день были расстреляны гитлеровцами и сожжены четырнадцать человек. Назовем их поименно: Лаврентьев Иван, Смирнов Александр, Калугин Алексей, Калугин Александр, Калугин Василий, Калугин Евгений, Калугина Евдокия, Павлов Иван, Лазарева Настя, Лазарев Михаил, Шемель Евгений, Зуев Николай, Ипполитов Борис, Степанов Анисий (дедушка Анисий, сторож школы), Ковалев Михаил (сожжён заживо в сторожке).

Как только стали спускаться скорые январские сумерки, а в этот день зловеще багровые сумерки, каратели убрались из деревни, оставив большое количество женщин, стариков и детей без крова в сорокаградусный крещенский мороз. Многих детей каратели оставили сиротами. Сироты Великой Отечественной! Их так много! О всех рассказать невозможно, но по следам кудинских событий о судьбе хотя бы некоторых из них поведать надо.

За несколько часов до трагедии, когда фашистские каратели только начали окружать деревню Кудино и Заречье, из крайних домов, которые были ближе к озеру, выскочили несколько женщин с детьми. Были среди них Елена с пятилетним Димой и Мария с двумя сыновьями - Аликом двух лет и Сережей девяти лет.

Сейчас Елена Сергеевна Калугина и Мария Сергеевна Юмина на заслуженном отдыхе, живут в деревне Кудино.

В тот страшный день эти две тогда еще молодые женщины, спасая своих детей, из Кудино полураздетые (на сборы времени не было - дорога была каждая секунда) по трескучему морозу убежали к своим в деревню Цикорево. Сюда же прибежали еще несколько женщин с детьми.

С тревогой и страхом смотрели женщины на зарево, которое колыхалось над их родной деревней. Болью в сердцах отзывались пулеметные очереди. Понимали они, что в их деревне происходит что-то страшное.

Боясь, что фашисты нагрянут и в Цикорево, как только стемнело, почти все женщины с детьми, через озеро, ушли в деревню Шалаи. В Шалаях пустили беглянок с детьми в баню. Баня нетоплена, дети плакали, просили есть. Те из детей, что постарше, не плакали, подавленные страхом и холодом, теснее жались к матерям. А маленькие не просто плакали - кричали,

кричали так, как может кричать голодный ребенок.

Через некоторое время в баню вошла Анна Михеева.

– Я печь истопила, сказала она, пойдёте в дом, неровен час сами замерзнете и детей сгубите.

Женщин обрадовало приглашение Анны, до слёз тронула её доброта. Да и не только доброта, но и мужество. Приди каратели в Шалаи, они не пощадят Анны, которая приютила беглянок. Озябшие женщины высказали Анне это опасение, на что та ответила

– Если эти супостаты сюда придут – всем одно будет, пошли ко мне в дом, ребятишки-то, поди, совсем захолонули.

Анна сварила картошки, дала хлеба. Ни у кого не было сомнения в том, что она последним куском делится. Накормила беглянок с детьми Анна, обогрела. Поев, разомлев в тепле, дети быстро уснули. А матерям было не до сна, тревожились матери – не пришли бы каратели в Шалаи. Женщины лежали около своих детей, чутко прислушиваясь к тревожной тишине морозной январской ночи,

Было уже за полночь, когда они услышали у дома осторожные шаги. «Немцы», – со стоном прошептала одна из женщин.

– Мы все так и окаменели от страха не столько за себя, сколько за детишек, – вспоминает Елена Сергеевна Калугина. Одна из женщин метнулась к окну. Через замерзшее стекло ничего нельзя было разглядеть, но было всё хорошо слышно.

И когда там, за окном, в морозной ночи, полной страха и тревог, женщина услышала русскую речь, она во весь голос, срывающийся на плач, закричала:

– Наши! Наши родненькие пришли!

Да, это были наши. Это была разведка передовых частей Красной Армии, которые шли освободить от фашистов наш маленький древний Торопец.

Три матери, три простые советские женщины из деревни Кудино Елена Сергеевна Калугина, Дарья Селиверстовна Калугина, Мария Сергеевна Юмина воспитали и поставили на ноги пятерых сыновей.

Пять сыновей: двое спасённые из подожжённого фашистами дома, трое - унесённые от беды на заботливых материнских руках. Пять сыновей, кто они, как сложились их судьбы хотя бы в общих чертах?

Серёжа (Сергей Петрович Юмин) работает в Торопецком реставрационном участке.

Дима (Дмитрий Арсентьевич Ковалёв) – доцент кафедры Днепропетровского металлургического института. Сейчас заканчивает работу над докторской диссертацией.

Миша (Михаил Алексеевич Калугин) – электросварщик в городе Ленинграде.

Алик (Алексей Петрович Юмин) – заместитель главного директора объединения «Воркутауголь».

Петя (Пётр Алексеевич Калугин) главный инженер управления в Солигорске.

Который раз приезжаю в деревню Кудино, слушаю рассказы живых свидетелей тех страшных событий и каждый раз прихожу на взгорок, туда, где когда-то была Кудинская школа, а сейчас стоит безымянный обелиск с красной звездой. И невольно возникает вопрос: почему обелиск безымянный? Приходят на память слова Роберта Рождественского

«Вспомним всех

поименно,

горем вспомним

своим

– это нужно не мертвым,

– это нужно живым!

Вот и думаю о том, что если не мраморная, то хотя бы бетонная плита с именами погибших должна быть установлена на этой братской могиле.

*Кулёвкин А. Кудинская трагедия // Знамя труда. - 1985. – 26, 28 нояб.*

### Преступления оккупантов

...Всего несколько месяцев (с 29 августа 1941 года по 21 января 1942 года) хозяйничали оккупанты в Торопце и районе, но какие страшные следы оставили они. За это время ими было разграблено в колхозах района 8890 центнеров зерна, 14212 центнеров картофеля, уничтожено 146 голов крупного рогатого скота, 1543 лошади, 155 овец. 1440 голов птицы (основное поголовье скота - 8000 голов крупного рогатого скота, 5000 овец. 700 свиней и 555 лошадей - было своевременно эвакуировано).

Гитлеровцы забрали из личного пользования трудящихся района 1920 голов крупного рогатого скота, 3470 овец, 35646 голов птицы. Они разрушили 1000 предприятий, хозяйственных построек и жилых домов.

Только в городе сравнивали с землей 117 зданий. Было сожжено 28 школ, 5 из них в самом Торопце, уничтожено учебно-наглядных пособий и школьного инвентаря на сумму 550598 рублей. Разрушена, больница, медпункты на селе общей стоимостью 2460000 рублей, детские учреждения, швейная фабрика, полностью разграблена и разорена торговая сеть.

Это неполный перечень ущерба, причиненного нашему городу и району. Общий убыток, нанесенный хозяйствам района, составил 282 миллиона рублей (в старых деньгах). Самое же страшное то, что за свое короткое хозяйничанье на торопецкой земле оккупанты замучили, повесили и расстреляли более 500 советских граждан, в том числе их жертвами стало почти все еврейское население города. Согнанное в гетто в октябре-ноябре- 1941 года, оно было уничтожено.

*Кузьмин И. Преступления оккупантов // Знамя труда. - 1975. - 22 апр.*

### **3 раздел. Город непокорённый**

#### **За наше правое дело**

Помню, 21 июня актив города Торопца смотрел в районном Доме культуры премьеру спектакля нашего самодеятельного театрального коллектива по пьесе Н. Погодина «Падь серебряная». Постановку разбирали долго. Спорили о достоинствах и недостатках спектакля.

Рано утром 22-го я зашел в райком посмотреть сводку. В колхозах района шел сенокос. Известно, что деревня в страдную пору по воскресеньям не отдыхает. И мне, тогда секретарю райкома, хотелось проехать по хозяйствам, поговорить с людьми, поработать вместе с ними. Неожиданно раздался телефонный звонок. Звонили из обкома партии: предупредили, чтобы я никуда не отлучался и вызвал в райком членов бюро. Повевало тревогой...

В полдень по радио мы услышали сообщение правительства о том, что фашистская Германия напала на нашу Родину. Не буду описывать всего, что происходило у нас в тот день. Наверное, он везде был, в общем-то, одинаков. Сразу же с площади, от репродукторов торопчане устремились к военкомату. Просьба и желание у всех были одни: «Отправьте в бой!» В первую неделю войны Торопец послал на фронт более 2 тысяч военнообязанных. Кроме того, райвоенкомат направил в действующую армию добровольцами 408 женщин.

Райком партии перестраивал работу на военный лад. В городе были созданы отряд противовоздушной обороны, санитарный и истребительный батальоны. Последний вскоре вступил в дело – на железнодорожной станции Мартисово уничтожил сброшенных с самолета диверсантов. Затем наши истребители во главе с заместителем командира секретарем райкома партии Ф.Н. Бухарковым вели бой

против вражеского десанта под городом Белым (в то время Смоленская, ныне Калининская область), участвовали в сражении за поселок Плоскошь - центр бывшего тогда Плоскошского района. Поселок дважды переходил из рук в руки.

Враг приближался. 22 августа мы создали бюро райкома партии, В городе и районе заканчивалась эвакуация на восток основных материальных ценностей. Отправлялись последние гурты колхозного скота, тракторы МТС. Вопрос на бюро стоял один: создание партизанского отряда.

Командиром отряда был утвержден кадровый военный А.П. Климов. Его прислал к нам штаб Северо-Западного фронта. Комиссаром – пишущий эти строки. Начальником штаба – председатель исполкома райсовета К.С. Семёнов. В состав отряда вошли все члены бюро райкома партии.

Мы приняли в отряд 60 человек. Опыта у нас, естественно, не было. Даже от тех, кого намечали влить в отряд, порой приходилось слышать: «А что может сделать горстка людей с винтовками против вооруженных до зубов оккупантов, коль их не могла остановить армия?» Решили брать только самых надежных. Потом убедились, что поступили правильно. Отряд стал боеспособным. А после первых удачных боев вырос почти вдвое, пополняясь за счет местного населения. Но это было после. А тогда...

С тяжелым чувством покидали мы город. Где-то в душе все еще теплилась надежда: а вдруг удастся остановить врага здесь, под Торопцем?

Возле МТС мы дважды обстреляли прорвавшуюся к городу вражескую разведку. Основная часть отряда ушла на партизанскую базу к лесному озеру Должье. В городе осталась лишь оперативная группа. Оружия у нас было мало, в основном то, что имелось в истребительном батальоне, – два ручных пулемета, винтовки. Мы решили добыть оружие в боях за город вместе с воинами Красной Армии. Частично нам это удалось.

Когда стало ясно, что враг овладеет городом, мы вместе с военными подорвали на железнодорожной станции стрелки и крестовины. На прощание командир подрывной группы подарил мне новенький автомат ППД. Военные отступали к Андреаполю. Мы ушли в лес, на запад. Это было 29 августа 1941 года.

Партизанскую базу у озера Должье было поручено создать заведующему организационным отделом райкома партии А.Ф. Афанасьеву и заведующему военным отделом (были тогда в райкомах и такие отделы) А.К. Пильфу. Они сделали все, что требовалось. Но уже при первых столкновениях с противником, мы поняли, что место выбрано нами неудачно. В 10 километрах от базы – город, занятый

врагом. База почти просматривается с основного большака Торопец–Холм. И неудивительно, что оккупанты вскоре обнаружила ее и накрыли минометным огнём. На наше счастье, на базе в то время никого не было.

Пришлось срочно перебазироваться. Местом повой стоянки выбрали глухие леса в районе деревень Пожня, Заболотье, Малаши, Подолино, Зайцево. Через эти леса проходил Чистовский большак. Сейчас, со строительством новых асфальтовых дорог, он стал обыкновенным проселком, потерял своё значение. А тогда по нему шло интенсивное движение. Большак этот напрямую связывал Торопец с соседним районным центром Серёжино, откуда шел путь на Андреаполь, Пено и далее к фронту. Здесь, на Чистовском большаке, мы и устроили первую крупную засаду – 31 августа, на второй день после захвата фашистами Торопца. Нам хотелось сразу же показать, что город и район не сдались, продолжают бороться.

Вместе с группой в составе Н.К. Капралова, З.Ш. Рывкина, Ю.Я. Бояринова, П.Ф. Никитина, И.Н. Горбунова, О.К. Ельцова, В.В. Васильева, В. П. Никонова и других бойцов я и командир отряда Климов открыто, не таясь, вышли на большак. Невысокий, черноволосый, в военной форме, Климов походил на героя гражданской войны. Кто-то из товарищей сказал;

– Кого нам бояться! Мы у себя дома, на своей земле. Пусть боятся оккупанты.

Потом мы, правда, убедились, что осторожность партизану нужна не меньше, чем смелость. Но тогда об этом мало кто из нас думал.

Засаду устроили в таком месте, где большак круто, почти под прямым углом, поворачивал в лес. Разбились на дне группы. Одна засела на пригорке, в мелком ельнике, возле дороги. Вторая с двумя ручными пулеметами выдвинулась за поворот, в густолесье. Условились, что первая группа без выстрелов пропустит фашистов, а когда вторая из лесу откроет огонь, неожиданно нападёт с тыла. Самый молодой боец отряда Дмитрий Струев забрался на дерево.

Лес был полон жизни. На деревьях всюю хозяйничали дятлы. В листве, еще непожелтелой, раздавался перезвон, птичьих голосов. И казалось, что нет войны, что все мы пришли сюда отдохнуть, насладиться лесным воздухом,

...Струев просигналил: «Едут мотоциклисты. Около 30 машин». Командир послал связного во вторую группу, чтобы там приготовились к бою.

Первыми на дороге показались велосипедисты. Наш сигнальщик ошибся, принял их издали за мотоциклистов. Но за велосипедистами, действительно, двигались солдаты на мотоциклах. Ехали без страха, о чем-то переговаривались па ходу. Вооружены гитлеровцы были намного лучше нас. У велосипедистов па ремнях «шмайссеры», на мотоциклах -

пулеметы,

Как было условлено, первая группа пропустила колонну без выстрела. Велосипедисты втянулись в лес, за поворот, и тут спереди по ним разом ударили оба наших пулемета. В колонне раздались взрывы гранат, брошенных с дерева Струевым. Мотоциклисты попытались развернуться. Но их встретил прицельный огонь с тыла. Отовсюду раздавались выстрелы, летели гранаты. Бой длился минут пятнадцать, а нам показался одной яростной секундой. Гитлеровцы были сражены партизанскими пулями.

Когда выстрелы на большаке стихли, мы повыскакивали на дорогу, принялись разбивать уцелевшие машины. В азарте позабыли об осторожности и чуть не поплатились за это. К счастью, наш сигнальщик успел предупредить нас о появлении на большаке солдат. Двигалась большая колонна фашистов. Она открыла огонь из минометов и орудий. Мы едва успели скрыться в лесу. Обошлось без потерь. Но группы отошли в разные стороны. Место для отхода заранее не было определено. Отряд разделился на три части.

Соединиться оказалось не так просто. Осень стояла сухая. Все дороги были проезжими. И в первые дни оккупации района фашистская армия лавиной двигалась по всем проселкам и большакам. Выходить на них в открытую, тем более маленькими разрозненными группами было очень опасно. Соединиться мы смогли только через две недели после боя.

Позже из бесед с жителями Чистовского сельсовета мы узнали: оккупанты приняли наш отряд за окруженное в лесу подразделение бойцов Красной Армии. Так они объяснили свои потери. Что ж! Нам нужна была не слава. Нужно было убедиться, что фашистов можно бить и с нашими силами.

Болью в сердце отозвались первые потери. Погиб, выполняя боевое задание, партизан Юрий Бояринов. Фашисты схватили В. М. Евграфьева и А.П. Ларионова, оставленных в Торопце с задачей узнать, как сложится обстановка в городе в первые дни оккупации, какой гарнизон останется для его охраны. Василий Минаевич и Артемий Панкратьевич выполнили задание, но при выходе из города были задержаны. У них нашли оружие. Фашисты пытали Евграфьева и Ларионова, добивались, чтобы они сказали, кто и зачем оставил их в городе, где скрывается штаб партизан. Патриоты не выдали тайны. 23 сентября их повели на центральную площадь города, на казнь. Вешали на дубу, что рос возле здания Госбанка. На площадь согнали много пароду. Офицер комендатуры через переводчика сказал Ларионову:

- Укажи, где партизаны, будешь жить.
- Смерть фашистам! – с петлей на шее крикнул Ларионов.
- Да здравствует Советская власть! – бросил в лицо Евграфьев.

Отряд продолжал поддерживать связь с городом. Партизан В.К.

Орлов часто пробирался в оккупированный Торопец, где у него оставались две дочери. Через них мы узнавали о событиях в городе, о действиях оккупантов. Однажды Орлову удалось установить, что в Лужницкий сельсовет на автомашине в сопровождении солдат выезжает крупный чиновник ортскомендатуры. Мы выслали на эту дорогу засаду. Автомашина была сожжена, гитлеровцы уничтожены.

Не раз по заданию командования отряда ходила в оккупированный город партизанка К.М. Маркова. Уже перед освобождением Торопца, в январе 1942 года, она была схвачена фашистской охраной. Семь дней её держали без пищи и воды в холодной церкви. На восьмой день ей удалось бежать. Смелая женщина вернулась в отряд и принесла ценные сведения, которые мы сразу же передали лыжникам 249-й стрелковой дивизии 4-й Ударной армии.

От наших связных мы узнали о казни П.Н. Добрынкина и И.Т. Львова.

Гневом, жгучей ненавистью наполнились сердца бойцов отряда, когда мы узнали о садистской расправе с нашими товарищами. Все рвались в бой. Мы устроили засаду на большаке Торопец - Холм, в глухом лесу между селами Крест и Пожня. Неизменный сигнальщик Струев передал с дерева: «Вижу крытый грузовик. Впереди разведка на мотоциклах».

- Значит, везут что-то важное,- сказал командир.

И не ошибся. Мы пропустили разведку и открыли огонь по грузовику зажигательными пулями. Мотоциклисты, услышав выстрелы, прибавили газу и скрылись. Грузовик загорелся. Из него, яростно отстреливаясь, стали выскакивать гитлеровцы в офицерской фирме. Грузовик оказался штабным. К сожалению, нам не удалось захватить документы. Они сгорели вместе с машиной. Зато 22 фашиста навсегда остались лежать в пожнинской земле.

В этом и других боях особенно отличились партизаны И.М. Павлов, Т.С. Жаринов, Д.С. Струев, А.К. Пильф, К.Д. Рейскарт, Н.К. Капралов, Ф.Р. Виноградов, В.К. Орлов. Храбро сражались и наши женщины-партизанки Эмилия Садэль, Елизавета Маркова, Мария Сергеева.

Самому старшему в отряде Федору Романовичу Виноградову было 70 лет.

- Пока есть в руках сила, а глаза видят, буду бить проклятых гитлеров,- поклялся он, принимая оружие.

Как-то в лесу мы нашли брошенный гитлеровцами тол: небольшие цилиндрики с дырками для капсюлей. Здесь же, в отдельном мешочке, были капсюли. Богатством этим сразу же завладел Виноградов. Целый день он «морочил» над ним в землянке, а к вечеру положил передо мной и Климовым безобидный с виду деревянный ящичек.

- Видал, комиссар, шкатулочку? Давайте мне самых смелых. Надо

проверить.

Смелые в попутчики Федору Романовичу, конечно, нашлись. Вернулись они к утру. А днём на одной из лесных дорог мы услышали взрыв. Посланные туда разведчики доложили: подорвалась вражеская автомашина. Федор Романович улыбался в свои запорожские усы:

– Подкинули фрицу шкатулку.

Много фашистских машин и повозок подорвалось на «шкатулках» Виноградова. С их помощью в бывшей усадьбе деревни Савино был подорван вражеский склад с авиабомбами и снарядами.

Отряд рос. В первые дни боев из деревень Мишково и Ватолиха к нам пришли колхозники И.И. Веселов, Р.П. Илларионов. Появились помощники у нас и деревне Подолино, Зайцево, Заболотье, Малаши, Шейно. В деревне Подолино нужно было найти явочную квартиру. В отряде воевал Логин Афанасьевич Макаров, председатель местного колхоза. Он предложил:

– Пойдемте к моей Павловне.

Я заколебался. Надо ли подвергать её риску? Ведь фашисты и так охотятся за семьями руководителей. Но Евгения Павловна сама разыскала нас и предложила помощь. У Макаровых была дочь полутора лет Альвина и двое сыновей - Иван и Алексей. Ивану шел восемнадцатый, Алексею - пятнадцатый год. Его мы звали Леней. Братья стали нашими разведчиками и связными. Иван весь в отца, серьезный. А Леню мать охарактеризовала сама:

– Он у меня глётский.

По-местному это означало находчивый, сообразительный, проворный. Вскоре мы убедились в этом сами. В Подолине отряд оставил своих лошадей. На базе не было конюшни. К тому же лошади могли выдать нас своим ржанием. А они нам были нужны для конной разведки и перевозок. И вот однажды в Подолино нагрянули гитлеровские фашисты и потребовали лошадей. Пока они ходили по дворам, «глётский» Леня схватил шапку в охапку и, недолго думая, угнал партизанских лошадей в лес.

Братья Макаровы ходили в разведку в самые опасные места и всегда возвращались с нужными сведениями, Старший, Иван, сразу после освобождения Торопца от оккупантов ушел в действующую армию. Алексею (ему не хватало лет) попал в её ряды только в 1944 году. Оба разведчика погибли на фронте,

Ходила в разведку и сама Евгения Павловна. Возьмет на руки Альвину и пойдет по деревням узнавать, не видел ли кто ее сыновей, запропалились, мол, куда-то, У её сестры, Таисии Павловны Богаченковой, тоже было два сына – Александр и Николай, ровесники братьев Макаровых. И они стали в ряды народных мстителей.

Макаровы, Богаченковы, Наталья Семеновна Медведева и другие

колхозницы ходили в разведку, возили зерно на мельницу в село Бельково, пекли для отряда хлеб, стирали нателное белье, лечили раненых. Они знали, что за помощь партизанам им грозит смерть, но до самого последнего дня, когда в январе 1942 года мы с лыжниками 249-й стрелковой бригады 4-й ударной армии ушли освобождать Торопец от врага, продолжали помогать нам всем, чем могли...

Пять месяцев вели мы смертный бой с фашистами за наше правое дело. Но так же, как великие реки образуются из ручейков, крепла с каждым днем в то суровое время освободительная мощь советской Родины...

*Исаков В.А. За наше правое дело // Память грозových лет. – М., 1979. – С. 21-28*

### Песни о нём слагали

С этим письмом меня познакомили работники Ленинградской телестудии, «В одной из передач вы рассказывали о прославленных командирах партизанских отрядов, - писал преподаватель техникума из Ульяновска Н.Г. Платонов. - Среди гостей на встрече был и командир-партизан по фамилии Плохой. Эта фамилия напомнила мне 1941 год. Осенью первого года войны пятнадцатилетним подростком я жил в деревне Козлово Плоскошского района Калининской области. В нашей деревне располагался небольшой отряд партизан. А командиром у них был кадровый военный высокого роста по фамилии Плохой. Имени я его не помню. Но фамилия запомнилась из-за ее несоответствия хозяину. Много хлопот доставил отряд немцам, пока наши войска не освободили Плоскошь, С тех пор я ничего не слышал о тех бесстрашных людях, которые партизанили в наших краях в первые месяцы войны».

Как мне сказали, в передаче участвовал именно тот партизанский командир, которм пишет Н.Г. Платонов. Известно и его имя - Василий Павлович. Дали мне и адрес партизана. Живет Василий Павлович в Ленинграде, работает старшим, инспектором ГАИ

...Война застала молодого харьковчанина на действительной службе в Белорусском военном округе. В авиаполку старший сержант Плохой слыл одним из лучших младших специалистов. Самолет он изучил в совершенстве, мечтал сесть за штурвал истребителя. Аэродромная служба была не по душе старшему сержанту. Горячий по натуре, он рвался в бой. Свое стремление летать на боевой машине Плохой изложил в рапорте на имя командира части. Истребителя Плохой, конечно, не получил. Но зато он с радостью встретил предложение пойти в разведывательную школу.

А через два месяца ночью 10 сентября В.П. Плохой шел по временно оккупированной фашистами территории Калининской области в составе 5-го особого диверсионного отряда. Он командовал группой подрывников. Плоскошская деревня Козлово, что находилась в стороне от

больших дорог, стала постоянной базой отряда.

Фронт отодвинулся на восток. В Плоскоши, Торопце немцы чувствовали себя победителями, полновластными хозяевами. Но, казалось бы тихий край вдруг «заговорил». На шоссе влетали на воздух автомашины с карателями. Чуть ли не среди бела дня взорвались склады боеприпасов. Около Торопца сошел под откос воинский эшелон. Зорко, охраняли фашисты Плоскошский мост. Но и он однажды рухнул в реку. Сделано, это было руками В. П. Плохого.

Выполнено задание командования. Основной состав отряда ушел на отдых на Большую землю. А Плохой с группой своих подрывников был оставлен в тылу врага, назначен командиром. Число партизан быстро выросло. Пополнение пришло из Торопецкого партизанского отряда. Коммунисты и комсомольцы, сильные духом, бесстрашные, под стать командиру, составляли ядро отряда. Много хлопот доставили партизаны оккупантам.

Однажды Плохой с пятью бойцами отправился в разведку. Недалеко от местечка Чистое партизаны вышли к дороге и остановились: навстречу ехали две автомашины с гитлеровцами. Партизаны укрылись в кустарнике. Машины свернули в поле, где недалеко от селения пасся скот.

– Подождем гостей, – остановил Плохой бойцов. – Из Торопца пожаловали «заготовители». Скоро назад поедут...

И верно. Фашисты застрелили пару коров, погрузились и, уверенные в безнаказанности, направились обратно.

Партизаны подобрали для встречи удобное место: там, где дорога шла между двух холмов, хорошо сверху прицелиться. Все гранаты равномерно «разместились» по кузовам автомашин, где спокойно сидели грабители. Правда, машины не остановились. Наоборот, обалдевшие от взрывов водители дали полный газ. Но «мяса» они привезли в гарнизон изрядную порцию.

Зимой, возвращаясь из разведки с еще меньшим числом людей, Плохому снова пришлось повстречаться с фашистами на этой дороге. Трое мужчин и одна женщина (это была разведчица из Торопца И.В. Васильева) решили атаковать до полусотни гитлеровцев на шести автомашинах.

– Два пулемета сделают свое дело, – заметил бойцам Плохой, – если их с толком использовать.

Место для одного пулемета, который был в руках у Николая Филиппова, командир определил в тылу, чтобы бить в хвост колонны, - перерезать немцам путь к отступлению. За другой пулемет, который ударит фашистам в лоб, лег сам Плохой. Только где спрятаться, чтобы подпустить немцев как можно ближе? Реденький кустарник в этом месте издали просматривается насквозь. Плохой решает укрыться за валу-

ном, который они выкатили на середину дороги, чтобы остановить колонну. Договорились, чтобы с первой очередью командирского пулемета открывала огонь вся группа.

Зима выдалась суровой. До костей пробрал партизан мороз, пока они дожидались фашистов. Первая машина остановилась лишь в каких-то десяти-пятнадцати метрах от валуна. Выскочившие из кабины солдат и офицер от изумления застыли на месте: за камнем с пулемётом в руках лежал человек. Но выстрела не последовало. Мороз с партизаном сыграл злую шутку: пулемёт отказал.

Немцы опомнились, бросились под машину и залегли под колёсами. Плохого словно ветром снесло с дороги в кювет. Не дождавшись сигнала, Николай Филиппов открыл огонь с тыла. Один за другим выпрыгивали немцы из крытых машин и тут же падали как подкошенные. Прицельно бил Филиппов, спасая друга.

Наконец заработал «Дегтярев и у Плохого. Командир подполз к головной машине и уничтожил солдата и офицера. Немцы бежали, оставив на дороге 28 трупов и несколько автомашин. В этом бою погиб Николай Филиппов. Он расстрелял все диски, стал заряжать новые. Но выстрелить не успел. Партизана сразила вражеская пуля. В деревне Козлово схоронил Плохой своего друга и отомстил врагу за его гибель.

«В селе Плоскошь, – рассказывает Василий Павлович, – располагался значительный воинский гарнизон и немало предателей-полицейских. Наш отряд решил уничтожить врага. В разведку я пошёл сам. Пистолет и штык спрятал под одежду. Благополучно добрался до Плоскоши. На окраине села в одной избе попал на посиделки. Прикинулся беженцем. Не успел оглядеться, как прибежала девушка: немцы село оцепили, по домам ходят. Выскочил в сени, а немцы уже в дверях. Одного в упор застрелил. Но другой уже во дворе сбил меня с ног и выбил пистолет. Навалился он на меня. Видимо хотел взять живым. Но просчитался фашист. Выручил меня штык. Всадил я его в немца – и в поле. Ушёл. А операцию провели среди бела дня. За полчаса плоскошский гарнизон разгромили».

Много боевых дел на счету у партизана. Обо всех не расскажешь. Какое-то представление, хотя тоже неполное, о лесной жизни В.П. Плохого даёт наградной лист. В нём говорится: «Тов. Плохой В.П. в боях с немецкими оккупантами показал беспредельную преданность своей социалистической Родине, партии. В бою смелый и находчивый. В д. Друсино с 12 бойцами вёл бой с противником силою до 150 человек. Несмотря на превосходящие силы принял бой и уничтожил 65 солдат и офицеров, 2 пулемета и миномётный расчет. Лично уничтожил 7 фашистов, а за время нахождения в тылу им уничтожено 67 солдат и 5 офицеров. Из ручного пулемёта им сбит немецкий самолет. Тов. Плохой за свою смелость и боевые дела пользуется большим авторитетом среди

партизан».

В конце января 1942 года 4-я Ударная армия освободила Торопец. Свой вклад в разгром крага внесли и партизаны, которыми командовал В. П. Плохой.

Месяц отдыхал Василий Павлович в древнем русском городе. А потом снова и почти до конца войны шёл по тылам врага в Ленинградской области. Здесь во 2-й партизанской бригаде, он командовал разведротой отряда «Храбрый», а потом в 7-й партизанской бригаде – первым отрядом. Родина высоко оценила храбрость и мужество партизанского командира. Василий Павлович Плохой удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

*Липин В. Песни о нём слагали // Калинин. правда. .- 1967. -21 апр.*

### Патриоты

Ни на минуту не угасало сопротивление завоевателям и в самом городе. Заняв Торопец, фашисты, как и всюду на советской земле, начали свирепствовать, убивать, жечь. Вот как вспоминают об этом времени торопчанки Е. О. Алексеева и З. А. Мурэо:

– Первым делом они принялись выискивать коммунистов и евреев. Отправляли их за город, а барак льнозавода. Туда же сгоняли всех, кто хоть в чем-то оказался «на подозрении». Мужчин заставляли рыть «укрепления». Потом подводили к вырытым ямам остальных и расстреливали. Детям на глазах у матерей перерезали вены, бросали в ямы еще живых. И еще живых зарывали».

Список злодеяний фашистов на торопецкой земле можно продолжать и продолжать. Они были везде одинаковы, палачи Бабьего Яра, Красухи, Кстов, Торопца... Они сеяли страх. А пожинали ненависть...

Разыгрывалась садистская программа устрашения. Но город продолжал поддерживать народных мстителей.

Слесарь льнозавода коммунист Павел Николаевич Добрынкин отказался работать на фашистов. Его повели на площадь к виселице. Это было 27 сентября 1941 года, через четыре дня после казни Евграфьева и Ларионова. На казнь Добрынкина палачи согнали половину города, потребовали: «Отрекись от партии». Добрынкин сказал: «Нет». Его повесили и тут же вынули из петли.

И так - три раза. Требовали одного: скажи «да» и будешь жить. Он трижды ответил: «Не отрекаюсь!..»

Железнодорожника Ивана Титовича Львова оккупанты привели на станцию под конвоем, приказали:

- Арбайтен!

Львов не возражал, он стал работать. Но вскоре фашистские поезда из Торопца перестали доходить до станций назначения. В бумажках обнаруживался песок, отказывали рукава тормозных устройств, в

тендерах с углем стали находить мины.

Предатель выдал гестаповцам Львова, его схватили и начали избивать. Он молчал. Тогда палачи связанного железнодорожника привезли домой, на глазах у семьи подвесили на проволоке к потолку, стали бить его больную мать, жену и даже грудного сына Витю. Попытки продолжались две недели. Скрученного проволокой, в синяках и кровоподтеках, Львова через весь город привозили домой. При нем пытали старших детей - Женю и Шуру. Он не выдал товарищей. Патриота казнили, но фашистские поезда продолжали лететь под откос.

Фашизм убивал, фашизм мог купить предателя, но он ни разу не одержал победы над советским человеком. Город на Торопе еще одно тому подтверждение.

*Город непокорённый // Торопец. - М., 1974*

### Ожерелье Торопы

Нет реки красивее Торопы. Она похожа на ожерелье: на голубую нить реки нанизаны зеленовато-синие изумрудины - озера.

Торопа протекает через добрый десяток озер: Жельно, Воскресенское, Яссы, Кудинское, Соломено, Заликовское, Речане.

...Шура Винокурова выросла в Василёве на берегу Кудинского озера. Я еду, чтобы взглянуть на эти места. Выбираю холм повыше, с которого бы открылись и деревня, и окрестности. Вот школа, старая деревянная восьмилетка. Она бегала сюда с книжками. Вот дорога. Вынырнув из кустов, бежит к озеру, минует старую, без окон, избу в окружении полуусохших яблонь. Здесь никто уже не живет, люди куда-то уехали. Нет и избы, в которой выросла Шура. Младшие сестры и братья в городах. Мать давно умерла.

Мать очень берегла одну-единственную почтовую открытку, присланную Шурой с войны. Я держу ее сейчас в руках. Здесь, в Василёве, она читается совсем по-другому, чем в кабинете. Я представляю, как слушала неграмотная Варвара Егоровна скупые слова дочери. Это, наверно, было за полдень, потому что почту в деревне разносят не рано. И еще потому, что открытка, написанная 25 августа, пришла не раньше 1 сентября, значит, все домашние грамотеи были в школе. Должно быть, нетерпеливая Варвара Егоровна попросила прочитать открытку почтальона тут же на крыльце или у калитки в огород.

*«Здравствуй, дорогая мамочка, Паля, Надя, Валя и Риточка. Мама, я знаю, ты очень обо мне беспокоишься, но напрасно, я теперь нахожусь в безопасном месте, близко от своего города. Я живу хорошо, не знаю, как вы. Сегодня я у Любы, а завтра поеду утром на свое место. Мама, ты не плачь, ведь я же не воюю и не буду воевать, я только помогаю своим. Адреса я не имею своего. Я вам буду писать. Привет Зине. Целую*

*всех. Шура»,*

Теперь я знаю, что означает «не воюю, а только помогаю» и «адреса не имею». Шура была разведчицей. Вот извлеченный из архива наградной лист. Сверху: «Винокурова Александра Нефёдовна», марш-агент при оперативном пункте 22-й армии, рождения 1922 года, русская. Член ВЛКСМ с 1937 года, в Красную Армию поступила 29 июля 1941 года добровольно через райком комсомола. Далее следует краткое изложение заслуг: «За время работы тов. Винокурова показала себя как человек, беззаветно преданный делу партии и нашей Родине, верящая в полную победу над коварным врагом. Дисциплинированная, имеет большую силу воли, авторитетна среди товарищей. Неоднократно выполняла спецзадания по раскрытию замыслов фашистских войск. Например, на 20 августа 1941 года вместе со своей подругой Васильевой она раскрыла большое скопление немецких войск и передвижение их в районе озера Двинье. Пять раз подруги переводили в тыл к фашистам партизанские отряды, три раза выводили из окружения красноармейцев и один раз - девять наших командиров в полной форме и с оружием. В общей сложности они 13 раз были в тылу врага, где кроме разведки всячески вредили врагу. Они портили телефонную и телеграфную связь, точно устанавливали расположение и номера частей и штабов противника. На 25 сентября они установили большое движение крупных сил противника в районе Осташкова. Проявляя инициативу, тов. Винокурова не щадила своей жизни. Своими подвигами и личным примером, отличной дисциплиной она воодушевляет на подвиги других».

Внизу наградного листа – приписка архива: «21 февраля 1942 года приказом по Калининскому фронту А.Н. Винокурова награждена медалью «За отвагу». Номер знака 24176, медаль значится врученной».

...Я спускаюсь с холма и иду к озеру. Ветер гонит волну и белые паруса облаков. Где-то у того берега струится через озеро голубая нить Торопы. По лугу, повторяя изгиб берега, тянется вал сухого тростника, оставленный половодьем. Поверх тростника лежат толстые корни аира. От них пахнет йодом.

Дожди и ветры стирают следы человека на земле. Не узнаешь, по каким тропинкам ходила на озеро Шура. Но она ходила здесь, купалась, на этих вон кладках полоскала белье, майскими вечерами слушала соловьёв и мечтала. Красота и ласковость родного уголка земли не стираются в душе человека, как след на песке. Они закаляют душу, дают беспредельную стойкость в час испытаний.

А час выпал смертный.

Ее схватили где-то недалеко от фронта и привезли в Бобровку, там была полевая комендатура. У Шуры, как у всякого разведчика, была легенда: иду к тете в деревню Меженку. Ни угрозами, ни побоями не

вырвали враги признания. Ее оставили в деревне под надзором.

В Бобровке и сейчас живет Анна Федоровна Румянцева, которая хорошо помнит Шуру. От неё я и узнал, что Шура затеяла побег. Подговорила девчат, в разное время задержанных немцами, военнопленного Бориса, работавшего на машине. План был до наивности прост: украсть офицерскую накидку и фуражку, Борису садиться за руль – и гнать к линии фронта. Там – что пошлет удача.

В этом плане вся Шура: отчаянная, гордая, умеющая увлечь за собой других. И готовая все самое страшное принять на себя.

Побег сорвался в последнюю минуту. Их задержали, когда садились в машину. Видимо, подвела чья-то болтливость, не учтенная в расчетах. Пытали в школе. На допрос согнали полдеревни. Выдали плётки и Анне Федоровне и велели ждать своей участи в коридоре. Женщин собирались расстрелять как заложниц, если не найдется организатор. Мимо них провели Шуру, избитую, истерзанную. Она поглядела на женщин, скупое, через силу улыбнулась, будто извинялась перед ними. Сквозь неприкрытую дверь услышали: «Все сделала я, и никто больше». Ее били. «Страшно били, – вспоминает Анна Федоровна. Мы не могли выдержать и плакали. А она хоть бы словечко проронила... Ночью расстреляли».

Это было весной, когда появились первые цветы. Анна Федоровна говорит, что видела, как собирала Шура подснежники, радуясь их скромной красоте и нежности. Еще она часто вспоминала о матери и сестрах, которые жили у какого-то озера.

Вот оно, это Кудинское озеро, голубая жемчужина в ожерелье Торопы. Плещет и плещет волной. Набежит на луговой берег, лизнет выброшенные корни аира, откатится назад. Над ним беспредельное небо с белыми облаками, за ним – зеленый лес с весенними птичьими песнями.

Сами собой приходят мысли о вечном и бессмертном...

О девушках-разведчицах написано и много, и мало. Мало о тех, кто по заданиям разведотделов армий и фронта работал в оперативном тылу врага. Помните, в наградном листе сказано: «За время работы тов. Винокурова показала себя...» Не борьбы, не боевых действий, а работы. И сама она так считала: «Я не воюю, а только помогаю своим».

Они переходили линию фронта, одетые под беженцев, с простенькими легендами: пробираемся домой, ищем родственников, купить соли... В руках не держали ни пистолетов, ни гранат. Их оружием были глаза и память – видеть и запоминать. Для этого надо не обходить опасные дороги и деревни, а лезть туда, где больше войск. И более того, желать, чтобы тебя задержали, чтобы привели в какой-нибудь штаб.

Передо мной большой список имен: Эмма Вильц, Нина Трепучкова,

Лида Тимофеева, Соня Волкова, Зина Жаброва, Ольга Стибель, Лида Сидоренко. И еще, и еще... Против каждой фамилии: «С задания не вернулась».

Все они росли в селах и маленьких городках на красивых озерах и реках Валдая: Торопы, Западной Двины, Волги, Межи, Велесы, Березы... Где-то здесь и разбросаны их безымянные могилы.

Оля Стибель и Лида Сидоренко жили в Андреаполе, в одноэтажном деревянном городке у истока Западной Двины. Лида работала инструктором райкома комсомола, а Оля была членом райкома. В июле 1941 года они вступили в особый разведывательный отряд при штабе 22-й армии.

Дороги разведчиц пролегали по всему этому многоречному краю – на Витебск, Велиж, Невель, Новосokolьники, Старую Руссу, Белый... Несчитанные версты, ночи в сараях и в поле, голод и холод, боль и ненависть. Их память вела счет не только танкам и солдатам, но и еще более тяжкий – сожженным деревьям, замученным и расстрелянным. Они хранили в памяти лица предателей и палачей и места преступлений. Надо было больше увидеть и крепче запомнить. Мы можем только представить, что творилось в душе девушек, всего лишь месяц назад хлопотавших о пионерских лагерях, о воскресных катаниях на лодках, сидевших над книгами, торопившихся на свидания.

Переход от «той» работы к «этой» был страшно тяжел. Но они выдержали. В войну мужали не по дням, а по часам. А от них потребовалось ох как много мужества!

...Линия фронта была совсем близко, на один ночной переход. Но под Андреаполем Лида узнала, что ее мать и сестру грозятся расстрелять, если они не скажут, где скрывается «комсомольский комиссар Сидоренко». Лида и Оля решили вывести родных за фронт. Предатель их выдал.

Фашисты нагрянули в последнюю минуту, когда собирались переступить порог, чтобы в темноте уйти из города. Дальше последовало страшное.

– Ты – разведчица? - допрашивали Лиду.

– Кем послана? Где и сколько русских войск?

Их истязали по очереди. На глазах у матери. Не помогло. Тогда палачи поставили к стенке Олю Стибель.

– Говори! – требовали от Лиды. Она молчала. Оля, её подруга, упала мертвой. К стенке поставили сестру Веру.

– Говори!

Ни слова. Мать в ужасе прижала руки к груди. Умоляющие глаза устремлены на дочь. Упала Вера.

– Теперь скажешь? - фашист навел пистолет на Анну Тимофеевну.

– Будь проклят, гад! Есть и на тебя пуля!..

...Четыре трупа извлекли из-под снега красноармейцы, освободившие вскоре город.

Плещется озерная волна, несет и несет воды спокойная Торопа. Она вольтет их в Западную Двину, а та уж понесет в море Балтику.

Не спешите проехать мимо Торопы, остановитесь, подумайте. Представьте: сюда вечерами выходили на свидания счастливые девушки. Отсюда ушли на войну. Здесь их могилы...

Нет реки красивее Торопы. Она как ожерелье: на голубой ленте жемчужины имен...

*Ожерелье Торопы / Васильев И. // Память. - М., 1972. - С.19 - 26.*

#### Народ не забудет своих героев

Оля Ясюкович родилась в 1921 году недалеко от Василева в соседнем с Торопцем поселке Мартисово. Была комсомолкой. В Торопце окончила педучилище. Перед войной заведовала в Сандове детским садом.

Началась война. Оля горела желанием уйти на фронт, два раза писала заявления в военкомат с просьбой отправить ее в действующую армию. В 1942 году добровольно ушла в партизанский отряд, стала разведчицей: «Не могу сидеть дома, когда другие воюют».

Немного сведений сохранилось об Оле. Учительница мартисовской школы Е.П. Шагина запросила партийный архив Калининской области. Из архива прислали справку: «Ясюкович Ольга Антоновна... находилась в опергруппе 3-й ударной армии партизанкой-разведчицей... Награждена медалью «Партизану Отечественной войны II степени».

15 марта 1943 года, при выполнении боевого задания, она попала в немецкую засаду. Немцы страшно пытали девушку: вырезали груди, кололи глаза, но ничего не добились.

Ей удалось вырвать из рук врага гранату, тут же взорвать ее, лишив жизни себя и бесновавшихся над ней немцев.

Место захоронения Ольги Ясюкович неизвестно.

После ее гибели подруга писала о ней; «Оля, с вьющимися, красивыми волосами, как живая перед нами. Она погибла за Родину, не выдав своих товарищей, не дав врагу никаких сведений о партизанском отряде».

*Шагина Е. Народ не забудет своих героев // Октябрь. – 1965 -14 мая  
Дорогами мужества //Торопец. - М., 1974. – С.58-59.*

#### 4 раздел. Торопец свободный

ТОРОПЕЦКО-ХОЛМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1942, наступательная операция войск левого крыла Северо-Западного фронта, с 22 янв. - правого, крыла

Калининского фронта, проведенная 9 янв. - 6 февр. Цель – разгромить Осташковскую группировку противника и содействовать поражению немецко-фашистских войск группы армий «Центр» в Ржевско-Вяземской операции 1942. В начале января войска левого крыла (3-я и 4-я Ударные Армии) Северо-Западного фронта (генерал П.А. Курочкин) занимали оборону на рубеже: восточный берег оз. Селигер, г. Осташков, северный берег оз. Волго. Противник не ожидал здесь активных действий советских войск и в полосе ок. 1000 км имел 3 пехотные дивизии и I кавалерийскую бригаду 16-й Армии группы армий «Север». Замысел советского командования – ударом 3-й и 4-й Ударных Армий на стыке групп армий «Север» и «Центр» разгромить противника в озёрном районе западнее Осташкова, затем, развивая успех в юго-западном направлении, обойти его Ржевско-Вяземскую группировку с северо-запада и во взаимодействии с войсками Калининского и Западного фронтов окружить и уничтожить ее. 3-я Ударная Армия (генерал М. А. Пуркаев) должна была наступать в направлении Холм, Великие Луки, 4-я Ударная (генерал А.И. Еременко) – в направлении на Торопец, Велиж. Обеспечение ударной группировки с севера возлагалось на 34-ю Армию, которая имела задачу частью сил наступать на Вотолينو. 9 января войска 3-й и 4-й Ударных Армий внезапно перешли в наступление и к 12 января прорвав вражескую оборону, продвинулись на 25-30 км. 4-я Ударная Армия 16 января освободила Андреаполь, 21 января совместно с партизанами – Торопец, а с передовыми частями перерезала железную дорогу Великие Луки - Ржев, содействуя продвижению войск правого крыла Калининского фронта, проводившего в это время Сычевско-Вяземскую операцию 1942. Войска 3-й Ударной Армии к 22 янв. окружили гарнизон противника в г. Холм и обошли Демянскую группировку 16-й немецко-фашистской Армии с юга. В последующем 3-я и 4-я Ударные Армии (с 22 янв. в составе Калининского фронта) развивали наступление на Витебском и Смоленском направлениях в глубокий тыл группы армий «Центр». В результате Торопецко-Холмской операции советские войска продвинулись на 250 км. нарушили оперативное взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр» и, обойдя с северо-запада Ржевско-Вяземскую, а с юга Демянскую группировку противника, создали условия для их разгрома.

*Торопецко-Холмская операция // Великая Отечественная война: энциклопедия. – М., 1985. - С. 720*

Торопецкая операция в воспоминаниях маршала Еременко

Торопчанам хорошо знакомо это имя, присвоенное одной из улиц нашего древнего города: Андрей Иванович Еременко командовал 4-й ударной армией, в январе 1942-го освобождавшей Торопец. Менее известен тот факт, что маршал Советского Союза А. И. Еременко стал не

только одним из полководцев Победы, но и одним из ее летописцев. Свою первую книгу о войне «Сталинград» он вчерне написал весной 1943 г., находясь на излечении после тяжелейших испытаний, перенесенных им в боях за город на Волге. В 1950-1960 годах Еременко создал ряд произведений военно-мемуарной литературы: «В начале войны», «Годы возмездия», «На Западном направлении». Есть среди его воспоминаний и страницы, рассказывающие о Торопецко-Холмской операции, в ходе которой был освобожден наш город.

«К исходу 19 января части 249-й стрелковой дивизии вышли в район Торопца, подойдя к городу одновременно с разных сторон (917-й полк — с севера, 921-й — с юго-востока и 925-й — с юга и юго-запада). Вскоре к северо-восточной окраине города подошла 48-я стрелковая бригада. На рассвете 20 января начался штурм Торопца.

Немецкий гарнизон города к этому времени достиг 2500 человек. Все постройки, особенно каменные, были хорошо приспособлены для обороны. Были расчищены секторы обстрела и пристреляны подступы к городу.

Торопец, как и Андреаполь, подвергся нашему удару совершенно неожиданно для противника. После взятия Андреополя гитлеровское командование бросило навстречу наступающим войскам свои части, пытаясь задержать наше наступление. Поэтому командиру 249-й стрелковой дивизии командование армии указало на необходимость вести дивизию лесами и скрытно подойти к Торопцу, чтобы внезапно ворваться в район товарной станции, неподалеку от которой находились склады.

Дивизия скрытно сосредоточилась на подступах к Торопцу. Части противника, брошенные нам навстречу, еще продолжали движение в направлении Андреополя, когда у Торопца завязался бой. Услышав у себя в тылу шум боя, части и подразделения гитлеровцев бросились назад, стремясь возвратиться в Торопец, но не смогли этого сделать. При этом 5-я рота 591-го батальона 85-го пехотного полка 403-й пехотной дивизии в составе более семидесяти человек во главе с командиром оберлейтенантом Конрадом сдалась в плен, что случалось в то время крайне редко и говорило о симптомах серьезного упадка морального состояния войск противника.

Для того, чтобы оказать более конкретную помощь частям, ведущим бои за Торопец, я приехал 19 января в Понизовье на командный пункт 249-й стрелковой дивизии. С утра 20 января началась атака, и к 14 часам 917-й стрелковый полк овладел товарной станцией, депо и складами. Левее продвигалась 48-я стрелковая бригада. Противник сосредоточил на участке бригады шквальный огонь, и она была вынуждена отойти назад. Воспользовавшись этим, враг двумя батальонами контратаковал обнажившийся левый фланг 917-го стрелкового полка и вынудил его

оставить товарную станцию. Однако, помня приказ, полк продолжал удерживать склады.

Тем временем 921-й и 925-й полки овладели отдельными кварталами на восточной и южной окраинах города. Бой не утихал весь день. К исходу дня 917-й полк занял вокзал, 48-я стрелковая бригада вела бой в северо-восточной части города, 921-й полк удерживал восточную окраину, а 925-й, ведя бои на южной окраине, одновременно отрезал противнику пути отхода на запад, захватив деревни Коптево и Заликовье.

Имея задачу овладеть станцией Старая Торопа, командир 249-й стрелковой дивизии направил туда лыжный отряд, созданный из приданных дивизии 67-го и 68-го лыжных батальонов. В боевое охранение и разведку отряда были отобраны лучшие лыжники и наиболее храбрые воины, что сделало отряд особенно мобильным. В ночь на 21 января, проделав 60-километровый марш, лыжный отряд окружил Старую Торопу. Оставив у шоссе южнее станции охранение, главные силы сосредоточились восточнее поселка. После этого один взвод проник в поселок с севера по торопецкой дороге. Гитлеровцы приняли лыжников этого взвода за разведку и решили без долгих размышлений уничтожить ее одним ударом, бросив все силы, за исключением охраны лагеря военнопленных. В это время наши главные силы, наблюдая за действиями противника, неожиданно ударили ему в тыл и разгромили гарнизон Старой Торопы. К утру 21 января лыжники захватили станцию и поселок Старая Торопа. Сопrotивление оказала лишь группа эсэсовцев — охрана лагеря военнопленных, но и она к полудню была уничтожена. В итоге этого дерзкого и слаженного удара небольшой отряд лыжников выполнил свою задачу — перерезал путь отхода торопецкой группировке на юг.

...Во время боев за Торопец я находился на участке 249-й стрелковой дивизии, наносящей главный удар, и был ранен. Это случилось в километре от Понизовья (по дороге на Торопец) в 10 часов 20 января 1942 г. во время налета вражеской авиации на наблюдательный пункт командира 249-й стрелковой дивизии, куда я приехал из Понизовья. Мне тут же сделали перевязку, установив перелом обеих костей голени правой ноги. Я приказал отвезти меня на командный пункт армии и попросил никуда не доносить и не сообщать войскам о моем ранении, но эта просьба не была выполнена, и пока я добирался до КП армии, все узнали, что я ранен. Врачи встретили меня на КП в белых халатах и предложили ампутировать ногу. Я не согласился и просил врачей положить перебитую ногу в гипс, что они и сделали. Такое решение оказалось весьма разумным. Кости потом срослись, и я не лишился ноги.

Этот обычный в боевой обстановке случай произошел, к сожалению, в то время, когда наступательная операция была еще в полном разгаре. Армия выполнила лишь первую половину задачи. И я решил, несмотря

ни на что, остаться в армии до тех пор, пока задача не будет выполнена полностью, о чем безотлагательно донес в штаб фронта и в Ставку. На следующий день мне была передана телеграмма из Ставки, в которой говорилось, что Сталин дважды спрашивался о моем здоровье и высказал пожелание, чтобы я остался на месте, если есть к этому хотя малейшая возможность. В течение последующих 23 дней, т. е. до полного выполнения задачи, поставленной Ставкой, мне пришлось командовать войсками с носилок, с перебитой ногой, положенной в гипс.

Но вернемся к боям за Торопец. В течение ночи 21 января части привели себя в порядок, подтянули тылы, пополнили боеприпасы и организовали штурмовые группы для борьбы внутри города. Атака началась на рассвете. Первым нанес удар 925-й стрелковый полк. Для отражения его атаки противник бросил свои основные силы. Воспользовавшись этим, остальные наши части стремительным броском ворвались в город. Гитлеровцы в панике устремились на запад. Но там их ждали специально выделенные 925-м стрелковым полком подразделения, а также передовые отряды 360-й стрелковой дивизии. Большинство бежавших было уничтожено, многие сдались в плен.

Итак, после двухдневных упорных уличных боев 249-я стрелковая дивизия, 48-я и 39-я стрелковые бригады и части 360-й стрелковой дивизии к 10 часам 21 января полностью овладели г. Торопец. Оборонявшие город части противника были разгромлены. Мы захватили богатейшие для того времени трофеи: шесть танков, много различного вооружения, 723 автомашины, значительное количество боеприпасов, около 450 тыс. снарядов, несколько миллионов патронов, 1000 бочек с горючим. И самое главное — было захвачено до 40 складов с продовольствием. Эти продовольственные склады мы превратили в свои армейские. Их запасами армия питалась в течение месяца.

Трудно переоценить значение для армии успеха Торопецкой операции и захвата баз снабжения противника. Несмотря на мое тяжелое состояние, я радовался успехам армии и с гордостью донес о них в Ставку.

В районе Торопца наши воины обнаружили свидетельства зверских преступлений эсэсовцев против нашего народа. Была найдена телеграмма командира кавалерийской бригады на имя командира одного из полков от 2 августа 1941 г., в которой сообщалось, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», указывает, что «необходимо действовать радикально», что командиры частей «слишком» мягки в проведении операций, и приказывает «ежедневно докладывать число расстрелянных».

Признаться, когда мне доложили об этих документах, у меня волосы встали дыбом. В то время мы все же с трудом представляли себе, что

массовое уничтожение людей не только возведено в государственную политику третьей империи и проводится столь дикими средствами, но и с такой скрупулезностью контролируется сверху.

С захватом Торопца и выходом 4-й ударной армии на рубеж Старая Торопа – Западная Двина Торопецкая операция, по сути дела, закончилась. В ходе этой операции 4-я ударная армия глубоко вклинилась в оборону противника и уничтожила его ближайшие резервы. Задача, поставленная армии приказом Северо-Западного фронта, была выполнена в установленный срок».

*Торопецкая операция в воспоминаниях маршала Ерёменко //Мой край. - 2012. - 9 янв.*

### Удар полковника Тарасова

*Военачальники и историки справедливо считают общее наступление советских войск на Западном направлении в январе-апреле 1942 года заключительным этапом Московской битвы. Именно тогда удалось вырвать из рук врага стратегическую инициативу. Важнейшей частью этого наступления стала Торопенкая операция, тщательно спланированная нашим Генеральным штабом.*

В конце декабря 1941 года едва оправившийся от ранения генерал-полковник Андрей Иванович Еременко был вызван к Верховному Главнокомандующему. Сталин приказал ему возглавить вновь создаваемую 4-ю Ударную армию, перед которой ставилась задача организовать и развить наступление на стыке немецких армейских групп «Центр» и «Север», нацеленных на Москву и Ленинград. Разрушенные коммуникации, проблемы с комплектованием и снабжением войск вынуждали откладывать сроки нашего наступления. Наконец, 9 января оно началось: 10-го взят поселок Пено, 16-го - Андреаполь, освобождены десятки сел и деревень. Но Еременко постоянно держал в голове основную задачу этой операции и направление главного удара – на Торопец.

Город-воин на протяжении почти тысячи лет был стражем западных границ России. Еще Александр Невский, будучи торопецким князем, венчался здесь. В 1245 году он нанёс очень чувствительное поражение литовцам, отогнав их от Торопца на несколько десятков километров. Мужественное сопротивление торопчан, не сдавших город большому войску поляков в Ливонскую войну, повергло в изумление короля Стефана Батория. В смуту начала XVII столетия «торопецкое осадное сиденье» также завершилось победой осажденных. Юный государь Михаил Федорович Романов был занят снятием осады с Торопца, учиненной интервентами, и потому на две недели опоздал на церемонию восшествия на престол. А в Отечественную войну 1812 года генерал Винценгероде именно здесь формировал основное обеспечение русской

армии для ее заграничного похода в Европу. Святые, славные вехи. В их черед – Великая Отечественная.

Захватив Торопец 29 августа 1941 года, фашисты за несколько месяцев превратили его в свою крупнейшую базу военных и материальных ценностей общеширокофронтового значения. Учитывая трудности, которые в целом переживала наша страна в этот период, и серьезнейшие проблемы со снабжением действующей армии в условиях быстрого наступления, освобождение Торопца становилось важным решением задач обеспечения войск.

Маршал Еременко всегда считал большой ошибкой руководства Северо-Западного фронта изъятие из 4-й Ударной армии трех стрелковых дивизий и иных средств усиления и даже, через много лет после войны не мог найти разумного объяснения этому. Щадя авторитет соратников, он не опустился до прямых обвинений в некомпетентности, но, говоря о командовании фронта, заметил: «Или оно не верило в наш успех, или не поняло по-настоящему всей сути предстоящей операции и тех задач, которые должна была решать 4-я Ударная армия». Армии не дали ни одного солдата за все время боевых действий. Танков было мало, в условиях зимы, бездорожья, лесной местности и нехватки горючего они отставали от наступающей пехоты. В этой ситуации все решали стратегический талант Еременко, оперативное искусство командиров соединений, героизм бойцов и офицеров.

Ключевая фигура в Торопецкой наступательной операции – командир 249-й стрелковой дивизии полковник Герман Федорович Тарасов. Этот русский офицер достоин памятника в Торопце, хотя торопчане и так его никогда не забывали, назвав именем отважного воина одну из улиц города.

За несколько дней дивизия под его командованием скрытно совершила марш-бросок от освобожденного ею Андреополя к Торопцу. Передовые отряды, обеспеченные лыжами и лошадьми, преследовали противника, нарушали связь, громили штабы, захватывали склады с имуществом.

Фашисты подтягивали сюда свежие силы, в том числе части не участвовавшей ещё в боях 403-й пехотной дивизии. В состав гарнизона города входили также отряды полевой жандармерии и полиции (до 1200 человек), дивизии противотанковых орудий, остатки кавалерийской бригады СС «Мёртвая голова», разбитого 416-го пехотного полка и других частей.

Командование поставило перед Германом Тарасовым и его дивизией задачу любой ценой не допустить уничтожения противником складов с боеприпасами, снаряжением, горючим и продовольствием. Взять их и удерживать при любых обстоятельствах. Невыполнение приказа обрекало 4-ю Ударную армию, оторвавшуюся от полупустых баз на 200

километров на голодную смерть.

Полковник Тарасов завязал отвлекающие фланговые бои и заставил немцев застрять под Андреаполем. Под Торопцем враги не заметили приближения всей его дивизии. К примеру, 5-я рота 85-го полка 403-й немецкой дивизии во главе с командиром обер-лейтенантом Конрадом сдалась без единого выстрела в полном составе. Кто может вспомнить что-то подобное на Восточном фронте в начале войны?!

19 января на командный пункт 249-й дивизии в село Понизовье, что в десяти километрах восточнее Торопца, приехал командующий армией генерал Еременко для оказания конкретной помощи войскам. На следующее утро началась атака. К 14 часам 917-й стрелковый полк овладел станцией Торопец, депо и складами. Вдоль железной дороги наступала 48-я стрелковая бригада, героически принявшая на себя основной шквальный огонь врага. Нашим пришлось на несколько часов оставить станцию, но склады немцам не отдали ценой невозвратных потерь. 921-й и 925-й полки, в составе которых воевали и кадровые, проверенные в многих боях пограничники, и недавно прибывшие на фронт сибиряки, уральцы и куряне, четко и неукоснительно выполняли задачу, поставленную комдивом: закрепиться на восточной и южной окраинах Торопца, постепенно занимая квартал за кварталом. Кроме того, выполняя замысел Тарасова, 925-й полк одновременно перерезал противнику пути отхода на запад (точь-в-точь как Александр Невский литовцам за 700 лет до этого).

В тот же день, 20 января, на командном пункте дивизии близ Понизовья генерал Еременко получил тяжелое ранение. Отказался от ампутации ноги, от эвакуации. Он остался на боевом посту и все 23 дня наступления с носилок командовал войсками...

В ночь на 21 января комдив Тарасов подтянул тылы, привел в должный порядок наступавшие части, снабдил их необходимым комплектом боеприпасов, организовал штурмовые группы для борьбы внутри города. Бойцы были измотаны. Но они чувствовали запах долгожданной победы.

На рассвете первым нанес удар с юга 925-й полк. Атака была столь мощной, что противник сконцентрировал на ее отражение свои основные силы. Комдив Тарасов только этого и ждал. По его приказу остальные наши части стремительно врываются в город с востока и севера и уже к 10 часам полностью и окончательно освобождают Торопец...

С захватом Торопца наступательная операция фактически закончилась. Шла вязкая, тяжелая гибельная война. Но и сейчас поражаешься стратегическому таланту комдива Тарасова. Ему удалось обеспечить в исключительно трудных условиях суровой зимы и бездорожья, под бомбежками и под угрозой окружения высочайшую

маневренность частей и их боеспособность. Это позволило прорвать оборонительную полосу противника, разгромить его оперативные резервы и пройти за 11 дней 150 километров в направлении главного удара. В результате армия вышла в район, наиболее выгодный для нанесения ударов по флангу и тылу войск противника на Московском и Ленинградском стратегических направлениях.

Генерал-майор Герман Федорович Тарасов, внук ссыльного поляка-революционера, сын сельской учительницы, выпускник Военной академии имени Фрунзе, освободитель Торопца, прошел по многим дорогам войны. Мужественный и талантливый военачальник, став командующим 70-й армией, не покидал передовой. Он пал смертью героя 19 октября 1944 года. Ему было 38 лет.

Благодарный Торопец 21 января склоняет голову перед памятью комдива Германа Тарасова, ставя его в один ряд со своими героями-земляками - князем Александром Невским, адмиралом Петром Рикордом, генералом Алексеем Куропаткиным, Героем Советского Союза лейтенантом Александром Гавриленко.

*Воробьев В. Удар полковника Тарасова // Твер. жизнь. 2007. -20 янв.*

#### Торопецкая операция.

*В 1943 году военное издательство Комиссариата обороны выпустило брошюру майора В.М. Кравцова «Торопецкая операция». В аннотации сказано: «В кратком оперативно-тактическом очерке автор излагает опыт организации подготовки и хода Торопецкой операции, проведенной в январе 1942 г. войсками Красной Армии в сложных зимних условиях.*

*В книге даны выводы, в которых автор отводит этой операции одно из почетных мест в общей цепи наступательных действий Красной Армии.*

*Книга предназначена для начальствующего состава Красной Армии.*

*Одна из глав этой книги непосредственно посвящена освобождению нашего города.*

#### Бои за Торопец

Выслав подвижные передовые отряды на лыжах и санях для преследования отходящего противника, наши части продолжали выдвижение на Торопец и поселок Западная Двина. 19 января части генерала Тарасова подошли к Торопцу и окружили его. Часть майора Вагина подошла к северо-восточной окраине города, а части майора Бушина и майора Назаренко вышли к его юго-восточной и юго-западной окраинам и перехватили пути, ведущие на юго-запад

Несмотря на то, что гарнизон Торопца к этому времени насчитывал до 2500 человек, с большим количеством артиллерии и минометов, а город

был сильно укреплен, наше командование, учитывая подавленное моральное состояние противника, решило атаковать город с хода с тем, чтобы не дать немцам опомниться и выиграть время для подтягивания резервов из Великих Лук.

К 13 часам 19 января части майора Бушина и майора Вагина заняли исходное положение для наступления. Несколько позже подошла часть полковника Куприянова. Перед атакой был проведен мощный огневой налет артиллерии и минометов. В городе среди противника началась паника. Части майора Вагина и майора Бушина, используя замешательство врага, бросились в атаку. Первая из них почти без потерь овладела складами и станцией, а вторая вклинилась в город с юго-востока. Часть полковника Куприянова, действовавшая между ними, задержалась с переходом в атаку и начала наступать, когда немцы уже опомнились. Ее атака успеха не имела, вследствие чего фланг части майора Вагина оказался открытым. Этим воспользовались немцы. Собрав до двух батальонов, они контратаковали часть майора Вагина и оттеснили ее от станции, но склады она продолжала упорно удерживать.

В это же время часть майора Назаренко, наступая на Торопец, овладело Харино, а её подразделения, перехватившие дорогу Торопец – Великие Луки, закрыли выход из города на запад.

С утра 20 января бои развернулись с новой, силой. Наши части под прикрытием артиллерийского и минометного огня и орудий, стрелявших прямой наводкой, вновь начали наступление.

Части генерала Тарасова, закаленные в боях, несмотря на некоторые потери, продолжали вести бой, зная, что чем ближе они подойдут к противнику, тем меньше на них будет воздействовать его авиация. Часть майора Вагина вновь овладела станцией, депо и отбила несколько немецких контратак. Часть полковника Куприянова, учтя ошибки прошлого дня, использовала успех соседа и тоже вклинилась в город. Организованные в части майора Бушина штурмовые группы, методично и настойчиво выбивая немцев из домов и кварталов, продвигались к центру города.

Активные действия части майора Назаренко, атаковавшей город с юга и юго-востока, привлекли на себя значительные силы противника и облегчили задачу ударной группировке, действовавшей с востока.

Во второй половине дня упорство немцев было сломлено. Они неоднократно пытались вырваться из города на юг и запад, но безуспешно.

Ночь на 21 января прошла в подготовке к решительному штурму. Части приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами.

С рассветом 21 января начался решительный бой. Штурмовые группы, продвигаясь от дома к дому, проникали все глубже в город и по-

степенно нарушали систему огня противника

За ними двигались роты, очищая захваченные кварталы. Бой разбился на множество отдельных, изолированных друг от друга очагов. Вскоре вся система обороны была нарушена, упорство врага сломлено, и немцы бросились бежать на запад, не успев даже уничтожить склады и материальную часть артиллерии. Но выход на запад был закрыт. Оставшиеся в живых немцы, выскочив из города, были встречены огнем ожидавших их подразделений части майора Назаренко. Разбившись на небольшие группы и барахтаясь в снегу, немцы устремились к лесам в надежде все же прорваться к своим. Небольшому количеству их удалось просочиться на запад, но вышедшие к этому времени в район западнее Торопца передовые отряды генерала Кузнецова вновь преградили им дорогу. Большинство прорвавшихся было уничтожено, а остальные, укрывшиеся в лесах, либо сами сдались в плен, либо были впоследствии уничтожены главными силами частей генерала Кузнецова.

К 11 часам 21 января Торопец был полностью в наших руках. Только в городе немцы потеряли убитыми более 1000 человек. Наши части захватили в Торопце более 250 пленных, около 1000 автомашин с грузами и много мотоциклов, 15 тяжелых и 20 легких орудий, более 100 подвод с имуществом, крупные склады боеприпасов, горючего и продовольствия.

Остаток дня 21 января части после трёхдневного боя приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами, подтягивали тылы, чтобы 22 января вновь продолжить наступление...

Занятием г. Торопца и выходом наших войск на фронт Торопец - Старая Торопа - Западная Двина - Туд закончился второй этап операции. Задача по прорыву фронта и уничтожению вражеских резервов была выполнена полностью и в срок. В итоге успешного наступления, фронт противника оказался разрезанным в стыке 16-й и 9-й армий, и наши наступающие войска заняли очень выгодное положение, нависающее над глубоким тылом противника.

Части, прошедшие большой путь с боями в чрезвычайно тяжелых условиях, не только остались вполне боеспособными, но и приобрели большой опыт наступления, маневра и управления. Правда, к этому времени уже довольно сильно начали ощущаться трудности подвоза и особенно тяжело сказывалось почти постоянное отставание артиллерии, которая не поспевала за пехотой, двигавшейся в большинстве случаев без дорог

Блестящие образцы смелых и успешных действий показало соединение генерала Тарасова. Действуя на главном направлении, оно всё время вырывалось вперёд, не считаясь с оголением флангов, било противника по наиболее уязвимым местам, увлекало за собой другие части, чем в немалой степени обеспечило успех операции. За боевые

действия соединения получило звание гвардейского и, кроме того, было награждено орденом Ленина.

*Кравцов В.М. Торопецкая операция // Мой край. - 2005. – 21 сент.*

### Торопец наш

В газете «Правда» от 25 января 1942 года военный корреспондент писатель Б. Полевой писал: «Красное знамя снова реет над Торопцем. Старинный русский город снова вернулся в семью советских городов».

За этими строками славная боевая страница героической летописи Великой Отечественной войны. В освобождении Торопца принимала участие и наша 39-я стрелковая бригада.

В полночь 19 января наш второй отдельный батальон вступил в деревню Понизовье. Жители, плача от радости, обнимали нас, наперебой звали к себе поесть, обогреться. Они торопливо рассказывали о пережитом под игом оккупантов.

...Мороз крепчал. Увядая по колено в снегу, бойцы нашего батальона снова двинулись в путь, чтобы занять исходный боевой рубеж для наступления на Торопец. В лесу около деревни Цикорево наши два разведчика неожиданно наскочили на костер, около которого грелись закутанные в женские платки семь немцев. Появление разведчиков в лесу было неожиданным для фашистов. Напуганные, они сдались в плен. Разведчики привели, их в штаб батальона.

На рассвете наша головная колонна заметила движение людей на Кудинском озере. Они двигались к Торопцу в направлении деревни Кудино. Это были отступающие немцы. Ударом из засады гитлеровцы были уничтожены или взяты в плен.

Не забыть мне радостных встреч с населением освобожденного города. Торопчане горячо благодарили нас за избавление от фашистского ига. Они рассказывали нам о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированной торопецкой земле, о сопротивлении. С гордостью говорили о патриоте Родины железнодорожнике Иване Львове, который совершал диверсии на станции и был расстрелян фашистами, о Павле Добрынке, Василии Евграфьеве, Артеме Ларионове – людях, шедших на казнь с именем Родины и партии на устах. Мы крепче сжимали в руках оружие, когда узнали о массовом уничтожении еврейского населения на окраине города.

Помню, как один старик, опираясь на толстую суковатую палку, говорил солдатам:

– Торопчане - народ железный. Они всё выдержат. А немцев мы еще и в старину били, да еще как! Он напомнил, что торопчане в войске Александра Невского громили псов-рыцарей на льду Чудского озера, а

под стенами своего города дали бой полчищам Стефана Батория. Наши бойцы внимательно слушали этого старика, и стоявший рядом со мной лихой разведчик Валя Слободяник тут же срифмовал:

И рассказывает история,  
Как торопчане в старину  
Били Стефана Батория,  
Согнув ему спину.

В те памятные дни солдаты складывали пословицы и поговорки, отражающие народный героизм, высмеивающие врагов. Вот некоторые из них: «От ударов Четвертой ударной жизнь фашистов стала кошмарной», «Поторопились фашисты в Торопец, а там им и конец», «По-немецки – капут, по-русски – конец, могилой фашистов стал Торопец», «Сдавайтесь фашистские гады, идут бойцы 39-й бригады!», «Смазывали фашисты пятки, удирая от партизан без оглядки»...

*Коротков Ф. Торопец наш // Знамя труда. - 1967. - 22 янв.*

В последний час  
ВОЙСКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И КАЛИНИНСКОГО ФРОНТОВ  
ЗАНЯЛИ ГОРОДА ХОЛМ, ТОРОПЕЦ, СЕЛИЖАРОВО, ЗАПАДНАЯ  
ДВИНА, ОЛЕНИНО, СТАРАЯ ТОРОПА.  
ТРОФЕИ НАШИХ ВОЙСК

Дней десять-двенадцать тому назад войска Северо-Западного и Калининского фронтов после жестоких боев прорвали укрепленную линию противника южнее городов Осташков и Селижарово и начали продвигаться вперед. Выполняя поставленную задачу, наши войска продвинулись более чем на 100 км вперед. После ожесточенных боев нами заняты города: ПЕНО, АНДРЕАПОЛЬ, ХОЛМ, ТОРОПЕЦ, г. ЗАП. ДВИНА, СЕЛИЖАРОВО, ОЛЕНИНО, СТАРАЯ ТОРОПА.

Таким образом, одна из главных коммуникационных линий железная дорога, Ржев-Великие Луки перерезана и захвачена нашими войсками.

Освобождено от немецких захватчиков свыше 2.000 населенных пунктов.

С 9 по 22 января захвачены трофеи: орудий - 350, танков и бронемашин - 52, станковых и ручных пулеметов - 430, минометов - 90, автомашин - 740, мотоциклов - 480, велосипедов - 846, радиостанций - 20, мин - 26.145, снарядов - 71.300, патронов - 805.000, кабеля телефонного - 360 километров, один понтонный переправочный парк, мотопонтонов - 16, тягачей - 32, один катер и 8 двигателей, железнодорожных вагонов - 355 и много другого вооружения и имущества.

В гг. ТОРОПЕЦ и АНДРЕАПОЛЬ захвачены армейские склады с запасом горючего, продовольствия, боеприпасов и другого имущества, учет которого производится.

За время с 9 по 22 января немцы потеряли свыше 17.000 человек

убитыми и несколько сот пленными.

В боях отличились войска генерал-полковника т. Ерёменко и генерал-лейтенанта т. Пуркаева.

*Сообщение СОВИНФОРМБЮРО, 22 января 1942 года // Мой край. – 2012.- 23 янв.*

### В освобождённом Торопце

(От специального военного корреспондента «Правды»)

При выезде из Торопца дорога круто взмывает на лесистый холм. Раньше отсюда развевалась чудесная панорама старинного русского города, живописно расположившегося на берегах двух озер. Сейчас с холма видна страшная картина черных, обуглившихся развалин.

Точно опустошительный смерч прошел над этим городом, простоявшим почти 900 лет. Там, где некогда бежали под гору узенькие улицы веселеньких, украшенных затейливой резьбой деревянных домиков, теперь среди груд угля и пепла стоят шеренги печных труб. На месте, где недавно еще находилась новая, просторная средняя школа, курятся головни догорающего пожарища.

...Немцы, занявшие Торопец около пяти месяцев назад, начали сразу же превращать этот центр пересечения четырех шоссе магистралей в мощный оборонительный узел. Они окружили его линией сильных полевых укреплений, дома окраин превратили в дзоты, установив под ними сильные огневые точки. Они хотели отстоять Торопец любой ценой.

На это не удалось. Части Красной Армии концентрированным и мощным ударом прорвали линию вражеской обороны и порвались в город. Завязался жестокий уличный бой. Большую помощь войскам, штурмовавшим город, оказали партизаны. Жители Торопца всегда активно участвовали в исторических битвах русского народа. Торопецкое ополчение в войсках Александра Невского било немцев на льду Чудского озера. Торопецкие горожане отважно отразили у стен своего города двигавшиеся на Русь полчища Стефана Батория. Торопецкие партизаны, достойные сыны своих предков, рабочие местного деревообделочного завода, колхозники, советские интеллигенты активно помогали Красной Армии очищать свой край от немецкой поганы. Перед началом наступления наших войск партизаны взорвали в тылу у немцев три больших моста, разорвав транспортную магистраль, по которой снабжалась группировка немецких частей. Когда наши бойцы пошли на штурм укрепленной линии, партизаны ударили в тыл немецкой обороне. Во время уличных боев они помогали красноармейцам выявлять и уничтожать огневые точки врага и меткой пулей снимали немецких автоматчиков.

Немцы бежали из Торопца. Они очень торопились. Все носит следы панического бегства. В полуразрушенных домах, превращенных в сараи, стоит много автомашин, моторы которых шоферы не успели завести. На одной из улиц стоит целая вереница вполне исправных орудий. Одно из них застряло, остальные сбились вокруг него в кучу, и все это было брошено...

Красное знамя снова реет над Торопцем. Старинный русский город снова вернулся в семью советских городов. Он разрушен и обезображен. Но чем тяжелее разрушения, тем суровее будет наш приговор над фашистскими извергами, калечащими наши города, оскверняющими наши жилища.

*Полевой Б. В освобождённом Торопце //Знамя труда. - 1972. - 20 янв.*

## **5 раздел Будни прифронтового города**

### **Восстановление**

Торопецкая земля еще содрогалась от гула близкой артиллерийской канонады, еще продолжали рваться бомбы и звучали выстрелы, а в городе и районе уже полным ходом шли восстановительные работы. Под бомбежкой и артобстрелом тысячи людей, расчищали от завалов дороги района, освобождали от разбитых составов и снега железнодорожные пути.

Сразу же после освобождения города приступили к работе руководящие партийные и советские работники, вернувшиеся из партизанских отрядов. Под руководством РК КПСС, районного и городского Советов депутатов трудящихся восстанавливались хлебный, рыбный, водочный и льнообрабатывающий заводы, райпромкомбинат, артели «Красный металлист» (ныне литейно-механический завод), «Труженик» (ныне кожзавод), «Красная звезда», «Объединённый труд». Все они начали работу уже в первом квартале 1942 года, дали первую необходимую фронту продукцию. Только за март было выпущено продукции на 12407 рублей. В это же время в городе заработала торговая сеть.

В марте был открыт кинотеатр, немного позже стала действовать звуковая кинопередвижка на селе, начала издаваться районная газета «Октябрь» тиражом 3260 экземпляров.

К 1 Мая 1942 года был капитально отремонтирован и открыт детский сад, обслуживавший 88 детей фронтовиков. 27 июля 1942 года начали работу ясли на 30 мест. 58 школ района открыли свои двери в феврале 1942 года. В 1943 году для ремонта зданий школ было выделено 172 тысячи рублей, и в том же году работали уже 57 начальных школ, одна средняя и 14 неполных средних школ.

В труднейших условиях послеоккупационного периода план

весеннего сева 1942 года был выполнен на 102, 6 процента. Полностью отсутствовала техника, пахали на коровах и лошадях, сеяли из лукошка, семена собирали по зёрнышку. Районная газета «Октябрь» весной 1942 года писала: «...колхозники активно помогают фронту в разгроме гитлеровских мерзавцев. Так, девушки из колхоза имени Ворошилова Кудрявцевского сельсовета, где бригадиром работает Нина Павлова вскапывают вручную по 0,08-0,10 гектара вместо 0,05 гектар по норме. Старушка Ефимова Мария 80-ти лет вручную перевыполняет норму».

Сразу же после освобождения района в общественный сектор было собрано 2314 лошадей, 62 головы крупного рогатого скота, 4 свиньи, 5 овец. Вот с чего начиналось хозяйство района после его освобождения.

Преодолевая все трудности, сельское хозяйство района успешно развивалось. Весенний сев 1943 года был проведен на 30 дней раньше намеченного срока, посевные площади увеличились на 4708 гектаров по сравнению с 1942 годом.

Результатом быстрого и успешного подъема сельского хозяйства явилось создание в колхозах района 2-процентного фонда для оказания помощи инвалидам Великой Отечественной войны.

О большой щедрости русской души, о единстве тыла и фронта говорит подписка на 1-й Государственный заем в 1942 году и денежно-вещевую лотерею.

План подписки по Торопецкому району составил 484000 рублей, а фактически было собрано 1783000 рублей, т. е. почти в четыре раза больше. В семь раз перевыполнен план по подписке на денежно-вещевую лотерею.

С ещё большим подъемом прошла подписка на Заем в 1943 году. Труженики района подписались на 5650000 рублей, из них было внесено наличными 3783 рубля.

«Народ и Армия – едины!», «Всё для фронта, всё для победы!» – под такими девизами велись восстановительные работы, возрождалось хозяйство района. Благодаря большой помощи, оказанной партией и государством, и самоотверженной работе трудящихся в короткий срок были залечены раны, нанесённые войной.

*Кузьмин И. Восстановление // Знамя труда.. - 1975. – 29 окт.*

### Весной сорок второго

В моей памяти сохранились события более чем двадцатилетней давности.

Мне хорошо помнится весна 1942 года, первая военная весна. Она была и первой весной после освобождения Торопца от гитлеровских оккупантов. Трудное положение было тогда в колхозах района. Не было тракторов и автомашин, не хватало лошадей и семенного материала.

Райком партии и исполком райсовета возбудили ходатайство перед Калининским обкомом партии об оказании району помощи семенами.

В марте на станцию Торопец, которая непрерывно подвергалась бомбардировкам, стали прибывать вагоны с семенным зерном не только для Торопецкого, но и для Плоскошского, Серёжинского и Октябрьского районов. Разгружать их нередко приходилось под разрывами бомб. Во время разгрузки зерна осколком от бомбы был убит директор «Заготзерно» т. Смирнов. В тот же день от вражеской бомбёжки погиб заведующий районным земельным отделом т. Сергеев, который принимал самое активное участие в подготовке колхозов к севу.

Помню, перед севом к нам приехал уполномоченный обкома партии В. Шаров. Было проведено совещание по организации весеннего сева.

Хочется отметить самоотверженный труд оставшихся в колхозах людей. Это были в основном женщины, старики и дети. Они проявляли настоящие чудеса трудового героизма. За многие десятки километров носили на себе семена со складов «Заготзерно» в колхозы, рискуя попасть под бомбежку.

Обработка полей в ту памятную весну велась зачастую вручную, лопатами. Было трудно, но наши славные колхозники вовремя провели сев. Помнится патриотический почин сельских жителей, передавших в колхозы семенной картофель.

Летом и осенью сорок второго года район собрал богатый урожай. Тысячи пудов хлеба и других продуктов были отправлены в действующую армию.

Сейчас в хозяйствах района работают сотни замечательных машин. После мартовского пленума ЦК КПСС созданы благоприятные условия для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Думается, что торопецкие хлеборобы, вносящие большой вклад в победу над фашистской Германией, разумно используют эти условия, порадуют нашу родину самоотверженным трудом.

*Капралов Н. Весной сорок второго // Знамя труда. – 1965. - 28 мая*

### Будни фронтового города

Недавно минуло 6 месяцев со дня освобождения города Торопца от немецко-фашистской оккупации. Большими событиями и делами знаменательно это полугодие. Ощущая горячее дыхание фронта, город живёт в суровой, настороженной обстановке. Торопчане оказывают большую помощь Красной Армии, самоотверженно восстанавливают родной город, который 5 месяцев стонал под игом фашистских убийц и громил.

Очистить освобождённую территорию от вражеских последышей, установить в городе строжайший порядок, дисциплину, тщательно охранять его, – вот чем стал заниматься городской Совет депутатов

трудящихся тотчас же после восстановления советской власти. Мы подняли на ноги всех, депутатов и активистов Совета – и тех, кто сражался с врагом в партизанских отрядах, и тех, кто вернулся из эвакуации. В эти горячие дни огромную работу проделали бывшие партизаны - депутаты Пильф, Орлов, Горбунов, Ельцов, Островская, Сергеева, Кук, председатели уличных комитетов Кутилин, Новицкий и многие другие.

С наступлением ночи Торопец погружается во мрак и тишину. Стихает движение на улицах и ни один луч света не демаскирует города. На страже законов мирного города стоят сотни советских активистов.

Силами актива мы организовали поквартально ночные дежурства. Расставленные на постах общественники помогают военным патрулям задерживать подозрительных лиц и отдельных нарушителей порядка. Когда сигнал воздушной тревоги оповещает об опасности, дежурные будят жителей и выводят женщин и детей в убежище.

Благодаря бдительности дежурных было, например, спасено от огня зажигательных бомб несколько домов по Ленинградской улице. Заботу о противопожарной охране взял на себя актив уличных комитетов. Со дня освобождения от немцев в городе не было ни одного пожара.

Вступившая в истребительные батальоны молодёжь, зорко стережёт город. Истребители Владимир Собакин, Николай Васильев задержали несколько вражеских пособников.

Стиль работы городского Совета в военное время, особенно после освобождения города, заметно изменился. Сказывается школа партизанской борьбы, которую прошли почти все наши руководящие советские работники. Мы изгнали из своей практики заседательскую суету. Любые мероприятия стремимся проводить по-военному чётко и организованно.

Тысячи людей проявляли подлинный героизм, очищая путь для воинских машин в метели и лютые морозы, нередко под бомбёжкой и обстрелом фашистских мерзавцев.

Одновременно городской Совет поднял жителей на другое дело – восстановление железнодорожного транспорта. Население очищало пути от разбитых составов и снега, подвозило воду, разогревало замороженную водокачку. Бок о бок с горожанами трудились колхозники. Они подвезли к дороге 9,5 тысяч кубометров дров. Не позже как через декаду после освобождения города движение по магистрали возобновилось.

Фронт был недалеко. Через Торопец эвакуировались в глубокий тыл раненые защитники родины. Надо было срочно развернуть сеть эвакуогоспиталей. Ничего не было – ни помещений, ни белья, ни оборудования. Но стоило городскому Совету сказать депутатам и активистам «Надо сделать», и нашлось помещение, нашлись рабочие

руки. Рабочие, служащие, домохозяйки несли в госпитали мебель, посуду, белье, цветы. Одного молока для раненых домохозяйки бесплатно принесли 15 тыс. литров.

Тесня врага на запад, через Торопец двигались красноармейские части. Городской Совет позаботился о том, чтобы город как можно лучше обслуживал их нужды. Этот вопрос несколько раз обсуждался в исполкоме. При активном участия населения мы быстро восстановили баню, открыли 3 прачечных, пустили мельницу, 3 хлебопекарни, различные артели и мастерские. Специалисты выполняют любые заказы воинских частей, делают скобы и болты для мостов, части к автомашинам, швейники, обувщики шьют и чинят белье, одежду, обувь. Родная Красная Армия не встречает у нас ни в чем отказа.

Городской Совет, подчинив всю свою деятельность интересам фронта, должен был одновременно проявить заботу о восстановлении разорённого оккупантами городского хозяйства. Гитлеровские негодяи уничтожили в Торопце 117 зданий, разрушили больницу, несколько школ, детские учреждения, Дом обороны, швейную и трикотажную фабрики. За 5 месяцев своего хозяйничания фашисты ничего не построили, кроме виселицы на Базарной площади. На долю населения, которое не успело эвакуироваться, выпали тяжелые испытания и страдания. Дочиста обобрав жителей, немцы не выдали ни грамма хлеба, соли. Большинство горожан, особенно, дети, было крайне истощено. В городе свирепствовал занесённый немцами сыпняк.

Жители Торопца испытали на себе все ужасы немецкой оккупации. И они говорят своим братьям и сыновьям, сражающимся на всех участках фронта и, особенно на Юге нашей родины: стойко деритесь с немецко-фашистскими мерзавцами. Ни пяди земли не отдавайте врагу – каждое, село, захваченное врагом, это – муки и смерть сотен советских людей.

Торопец содрогался ещё от гула артиллерийской канонады, фашистские стервятники яростно бомбили освобождённую территорию, в городе уже кипели восстановительные работы. Сейчас город ожил. Ключом забила культурная жизнь. Пущена электростанция, много сделано по благоустройству города. Открыты детские ясли и сад, работают кинотеатр, радиоузел, библиотека. Восстанавливается краеведческая база, работе которой мы придаём большое значение. Уцелевшие от немецких вандалов экспонаты ярко рисуют историческое прошлое старинного русского города Торопца, под стенами которого сражался Александр Невский.

Подвиги славных предков воодушевляют русский народ на непримиримую священную борьбу с полчищами немецких захватчиков. Силён патриотический дух в торопчанах, переживших ужасы немецкой оккупации. Велика их ненависть к врагу. Крепя связь с массами, Торопецкий горсовет будет и впредь неустанно мобилизовывать жителей

города на всемерную помощь фронту, на укрепление ближайшего тыла героической Красной Армии.

*Рейскарт К. Будни фронтового города //Известия. – 1942. - 6 авг.*

### Всё - для фронта

(По документам и фактам военных лет)

...Враг рассчитывал на слабость нашего тыла, на разлад, дезорганизацию. Но фашисты жестоко просчитались. Никогда фронт и тыл не были так едины, как теперь. По всей стране широкой волной прокатился патриотический почин о сборе средств в фонд обороны Родины. Горячо откликнулись на него и жители Торопецкого района.

Маленькие, тронутые временем заметки, вырезанные из газеты. О большой щедрости русской души повествуют они. Читаем одну из них:

«Колхозники колхоза имени Ворошилова, Михайловского сельсовета, внесли на постройку танковой колонны «Калининский фронт» 5,5 тысячи рублей. 6100 рублей внесли наличными колхозники сельхозартели I Мая». Работники Калининторга и общественного питания решили отчислить на постройку танков 40 процентов месячной зарплаты, что составит 9 тысяч рублей. Рабочие и служащие районной конторы связи и линейно-технического узла отчислили 50 процентов своего месячного заработка. Хорошо проходит сбор средств на постройку эскадрильи Красного Креста в Пятницком сельсовете. За два дня собрано около 4 тысяч рублей. По инициативе комсомольцев этого сельсовета начался сбор средств на постройку звена самолетов имени Лизы Чайкиной».

Фронт нуждался также в теплой одежде. За короткий срок только в Пятницком сельсовете колхозники собрали для армии свыше 60 овчин, 83 килограмма шерсти, 7 полушубков, валенки, шапки, теплые носки, варежки. Колхозники Барловского сельсовета отдали в подарок Красной Армии 80 овчин, 46 килограммов шерсти, 28 пар теплых варежек, 18 полушубков и другие теплые вещи.

Вырезки из районной газеты «Октябрь» за 1942 год повествуют о трудовых делах сельских тружеников. Преодолевая невероятные трудности, члены сельхозартели «Гудок» Михайловского сельсовета, в кратчайшие сроки завершили весенний сев и развернули работы по заготовке кормов для скота. «Работая по-военному,- писала газета, - колхозники артели активно помогают фронту в разгроме гитлеровских мерзавцев».

«Выражая горячее стремление помочь фронту, советские патриоты колхоза «Ново-Заовражье» Грядецкого сельсовета, по-военному убирают урожай, – сообщалось в другой заметке. Одновременно с уборкой к 1 сентября колхоз закончил сев озимых, посеяв вместо 40 гектаров по плану 46 гектаров. Заменяя ушедших на фронт, многие труженики

колхоза уже давно выработали годовой минимум трудодней».

В незабываемом 45-м пришла победа. Торопчане могут гордиться тем, что в эту великую победу над немецким фашизмом они также внесли свой вклад.

Много лет минуло с той грозной военной поры. Герои битв стали героями трудовых будней. За успехи на мирном поприще десятки торопчан в 1966 году удостоены правительственных наград – орденов и медалей...

*Светлова Т. Всё – для фронта: по документам и фактам военных лет//Знамя труда. - 1967. -22 янв.*

### Несли свою боевую вахту

На здании железнодорожного вокзала станции Торопец со стороны перрона имеется надпись: «21 января 1942 года Советская Армия, совместно с партизанами, освободила Торопец от немецко-фашистских захватчиков».

Прошло много лет с тех пор, как пришла Победа, А в памяти до сих пор хранятся многие самоотверженные подвиги наших славных железнодорожников, которые работали в непосредственной близости к линии фронта, восстанавливали железнодорожное хозяйство, обеспечивали бесперебойное и безопасное продвижение воинских поездов.

Многие трудности пришлось преодолевать и коллективу станции Торопец в 1942 и 1943 годах. Немецкая авиация разрушила здание вокзала, паровозное депо, водоемное здание, жилые дома, станционные пути в нескольких местах были подорваны.

Командование немецких войск постоянно мешало восстанавливать станционное хозяйство, посылая свои бомбардировщики для разрушения важной для фронта железнодорожной линии.

Для увеличения пропускной способности поездов на участке Торопец — Скворцово в четырех километрах от Торопца поздней осенью 1942 года был построен разъезд 241 километра. Командный пункт этого разъезда разместили в полуразрушенном помещении бывшего до войны блокпоста. Здесь жил и работал небольшой молодёжный коллектив железнодорожников-движенцев. Стрелочных будок не было, семафоров еще не установили. А принимать и отправлять поезда нужно. Эту работу выполняли чётко и бесперебойно три девушки и два парня.

Часто на большой высоте пролетали немецко-фашистские самолеты-разведчики, а иногда и бомбардировщики. Батареи, охраняющие станцию Торопец, каждое появление вражеских самолетов встречали зенитным и пулеметным огнём, препятствовали их приближению к станции.

С большой радостью восприняли работники известие, что наши войска в первых числах января 1943 года освободили от немецко-

фашистских захватчиков город и большой железнодорожный узел Великие Луки.

Запомнился такой случай. Ранней весной 1943 года стояла безветренная погода с небольшим морозцем, небо заволокли темные тучи. Дежурная по разъезду ночной смены комсомолка Зина Иванова часто выбегала из помещения, прислушиваясь и вглядываясь в темноту, узнавая, нет ли какой опасности. По звуку она легко определяла появление немецких самолетов.

Под утро, едва начало светать, поступили сигналы воздушной тревоги. Прошло несколько минут. Стрелочница первого поста Яковлева доложила дежурному, что со станций Торопец движется на разъезд поезд. Маршрут прибытия этому поезду приготовили быстро. После этого Зина стала звонить по телефону дежурному по станции Торопец, выясняя, почему они отправили поезд, без запроса и согласия на приём и даже не уведомляя об отправлении. Поезд был воинским и вез раненых в тыл в сторону Бологое. Только поезд остановился на разъезде, как послышались взрывы бомб на станции Торопец.

Как стало известно позже, на станции тогда находилось два поезда один с людьми, а другой с боеприпасами, следующий в сторону Великих Лук. Дежурный по станции Громенко, получив сообщение от поста наблюдения о летящих немецких самолетах в сторону Торопца, знал, что прилегающие перегоны свободны от движения. Он немедленно распорядился вывести со станции эти поезда в безопасные места – поезд с боеприпасами отправил в сторону станции Мартисово, где перегон извилистый и поросший лесом, а с людьми отправил на новый разъезд 241 километра, мало ещё кому известный.

Вот так, благодаря сообразительности, быстрой и умелой организации работы с поездами командира смены дежурного по станции Громенко были спасены от бомбёжки два воинских эшелона.

После того как обстановка на станции Торопец нормализовалась и опасность миновала, дежурный по станции распорядился вернуть только, что спешно отправленные с людьми и боеприпасами поезда на станцию Торопец для тщательного осмотра вагонов и дозаправки букс мазутом, а паровозов – водой и топливом. Эти технические операции были выполнены быстро и поезда ушли по своим назначениям: с людьми – на Бологое, а с боеприпасами - на Великие Луки.

*Антонович М. Несли свою боевую вахту // Знамя труда. -1984 .- 12 мая.*

Эта память для нас священна

...6 декабря 1941 года поля Подмосковья содрогнулись от орудийных залпов, поднялись в атаку наши войска. Начался разгром немцев под Москвой. А 22 января 1942 года Совинформбюро сообщило: «После ожесточенных боев нами заняты... города Пено, Андреаполь,

Холм, Топорец, Западная Двина...». 21 января после двухдневных ожесточенных боев наши войска и партизаны Торопецкого отряда полностью овладели городом. Но еще больше года, до самого освобождения Великих Лук, Торопец оставался прифронтовым городом и в меру своих сил помогал фронту.

В 1942-43 годах в деревне Шейно Торопецкого района дислоцировались и действовали Северо-Западная спецгруппа ЦК Компартии Белоруссии и оперативная группа 3-й Ударной армии по руководству партизанским движением и деятельностью партийного подполья на захваченной врагом территории нашей области и Белоруссии.

Северо-Западная группа, как пишет в своей книге «Партизанская республика» бывший начальник штаба партизанского движения БССР П.З. Калинин, была создана 20 марта 1942 года и располагалась в полосе действия 3-й ударной Армии. Возглавлял группу секретарь ЦК КПБ Григорий Борисович Эйдинов. В ее состав входили К.И. Бударин, А.С. Шавров, В.Р. Романов, М.В. Зимянин, М.А. Минкович, В.З. Цирюк, П.А. Шмаков, Н.Е. Кирсанов, Н.И. Красовский, А.М. Дядев, Н.А. Коссой, Л.Я. Горелик, Е.Ю. Чесноков и другие.

Северо-Западная группа и созданный в сентябре 1942 штаб партизанского движения Белоруссии до ноября того года располагались и действовали в деревне Шейно Торопецкого района. Большое внимание деятельности этой группы и штаба уделял начальник Центрального Штаба партизанского движения первый секретарь ЦК КПБ П.К. Пономаренко, руководители штабов партизанского движения при Военных Советах Западного и Калининского фронтов С.С. Бельченко и И.И. Рыжиков.

В это же время в деревне Семивье Торопецкого района дислоцировалась и действовала оперативная группа ЦК Компартии Литвы по руководству партизанским движением во главе с А.Ю. Снечкусом. В ее состав входили Ю.И. Палецкис, Л. Роцюк, С. Сырус, В. Маявскис, Я. Наркевичютё, А. Кондратас, Ю. Шумаускас, Э.М. Белявичус, Г.А. Зиманас и другие. В деревне Острова (сейчас ее уже нет) находилась радиостанция, через которую осуществлялась связь с партизанами.

Таким образом, в 1942-43 годах Торопецкий район был центром по координации и руководству партизанским движением в тылу врага на оккупированной им территории Калининской области, Белоруссии и Прибалтики.

В деревне Шейно и других населенных пунктах района формировались партизанские отряды и бригады. Здесь проходили специальную подготовку подрывники, бойцы диверсионных групп, партизаны обеспечивались боеприпасами, продовольствием, документами, листовками и другими материалами. Отсюда они

направлялись сначала через «Суражские ворота», а позднее - самолетами с аэродрома, близ Старой Торопы, в тыл врага.

В этих местах подготовлены и созданы знаменитый Калининский партизанский корпус и 1-я Белорусская бригада, которые действовали на границе Белоруссии, Латвии и Калининской области (ныне эти районы отошли к Псковской области), совместные рейды которых по тылам противника наводили ужас на фашистов.

Торопчане свято чтут эти памятные места и боевые дела партизан. За деревней Шейно, на крутом берегу реки Оки, создан Курган партизанской славы. От Вечного огня с могилы Героя Советского Союза партизанки Лизы Чайкиной на кургане зажжён огонь памяти, сюда доставлена земля со многих партизанских могил.

Бережно хранят память о народном подвиге в Великой Отечественной войне экспонаты музея партизанской славы в деревне Пожня, открытого в ноябре 1973 года. Первыми ее посетителями стали непосредственные участники боевых событий - калининские партизаны, собравшиеся на свой очередной слет в город Торопец.

Все дальше уходят в прошлое суровые военные годы. Но память людская бережно хранит имена героев и события тех далеких дней. Эта память для нас священна.

*Жигачёв В.П. Эта память для нас священна // Вспоминая былые походы. – Тверь, 2001. - С.72-75*

Фадеев в «Ново-Бридине»,

Есть события, которые никогда не забываются. Таким событием для меня, старого колхозника, является пребывание в нашем колхозе «Ново-Бридино» писателей Александра Фадеева, Бориса Полевого, Сергея Крушинского и других военных корреспондентов московских газет. Было это в суровое военное время, в конце 1942 года.

Военные журналисты Полевой, Крушинский, Арапов и другие жили у нас в те дни в здании бывшей начальной школы, прозванной «Белым домом». Но вот в ноябре, когда наши войска штурмовали Великие Луки, в «Белом доме» появился высокий военный в шинели, перетянутой портупьями. Его привели сюда Полевой и Крушинский. Военный этот был в звании бригадного комиссара, в петлицах его шинели алело по ромбу. Он шумно поздоровался со мной и представился: Фадеев.

Да, это был Фадеев, Александр Александрович Фадеев, большой писатель, автор знаменитого «Разгрома», автор ненаписанной еще тогда «Молодой гвардии». Какая-то робость охватила меня: как-никак, а передо мной был человек, которого знал весь мир. Но моя робость пропала после первых же минут общения с ним.

Удивительно простым, отзывчивым, чутким оказался новый жилец

«Белого дома» - военный корреспондент «Правды» Александр Фадеев, Он прожил у нас всего несколько недель, но оставил глубокий след в памяти. У нас в «Ново-Бридине» 24 декабря 1942 года Фадеев отмечал день рождения. Тогда ему исполнился 41 год.

Много времени Александр Александрович проводил на фронте. А вернётся с фронта – садится писать статьи для газеты. В свободное время он любил петь. Надо сказать, веселым он был. Смех у него был такой заразительный, рассыпчатый.

Дочь моя, Женя, работала в то время в Торопце. По субботам она приходила домой. И тут они с Александром Александровичем настоящий концерт устраивали. Женя, бывало, на гитаре играет, а Фадеев частушки поет. Он много их знал. До сих пор слышится мне его голос.

Помню я и знаменитый праздник елки в ночь на 1 января 1943 года, описанный впоследствии Полевым в рассказе «Ёлка».

Как бесценные реликвии, храню я любительские фотографии, на которых изображен Александр Фадеев и другие корреспонденты. Вот он стоит в своей неизменной шинели с пистолетом на боку, высокий, стройный на фоне наших заснеженных бридинских полей. Рядом с ним – Борис Николаевич Полевой. А вот Александр Александрович беседует со своими коллегами у «Белого дома». Несколько фотографий писателя хранят мои дочери, которые сейчас живут в Одессе.

Я и все мои односельчане гордимся тем, что в нашей деревне в суровое время войны жил и творил Александр Александрович Фадеев – человек большой души, стойкий большевик, видный общественный деятель, писатель с мировым именем.

*Нефёдов Е. Фадеев в Ново-Бридино // Октябрь. - 1961. - 24 дек.*

### Воздушные связисты

В мае 1942 года 357-я авиаэскадрилья вошла в состав только что сформированной Третьей Воздушной армии Калининского фронта. Несколько позже на её базе был сформирован 399-й авиационный полк связи. Многие в боевых действиях полка связано с Торопецким районом, а конкретно – с деревней Понизовье возле которой был в военную пору полевой аэродром. Отсюда с ноября 1942 года по октябрь 1943 года вылетали лётчики полка на боевые задания, выполняя приказы армейских и фронтовых штабов.

Командиром полка назначили майора Л.А. Ильина, замполитом - майора Я.И. Лельчука, начальником штаба – майора В.Т. Бендерского, штурманом – старшего лейтенанта А.А. Бойко, инженером – капитана Т.П. Козырькова. Эскадрильями командовали капитаны П.А. Собирайский, В.Н. Ремнев. От Понизовья дальнейший боевой путь полка пролёг в небе Смоленщины, Белоруссии, Латвии и Литвы, Восточной

Пруссии. Каких только сложных, опасных ответственных заданий не доводилось выполнять лётчикам полка. Это полёты на оперативную связь с авиационными и сухопутными частями и соединениями, это полёты в тыл врага к партизанам, чтобы доставить им патроны, взрывчатку, гранаты, медикаменты, почту, вывезти раненых.

В любую погоду весной и летом, осенью и зимой поднимались пилоты в воздух на своих беззащитных ПО-2. И каждый полёт – риск для жизни. Обо всех сложных делах наших бесстрашных соколов не расскажешь в небольшой статье. Расскажу о некоторых из них, о фронтовых буднях и ратном труде авиаторов.

На одном из участков Калининского фронта в начале 1942 года создалась крайне сложная обстановка. Командующий фронтом генерал-полковник И.С. Конев вызвал лётчиков старшего сержанта А.М. Мельникова и лейтенанта А.А. Гупалова и поставил задачу: во что бы то ни стало пробиться к командованию 39-й армии, вручить пакет и рацию. Решили, что первым полетит Мельников, а вторым, если через четыре часа он не вернётся, Гупалов.

Короткий разбег и ПО-2, который в годы войны ласково звали «кукурузником», «огородником», ушел в воздух. Лётчик, несмотря на трудности, разыскал свои войска, выполнил задание. Но сам вернулся не только на 28-е сутки. Самолёт Мельникова при артобстреле врага сгорел. Поскольку он вовремя не прилетел, отправился на задание Гупалов. И не вернулся. Связь с обнаруженной армией то действовала, то прерывалась.

Лётчику, младшему лейтенанту А.П. Коваленко и представителю оперативного отдела штаба ВВС капитану А.С. Колчанову приказали доставить командованию окружённой армии ещё один пакет и новую рацию. Ответственное и рискованное задание было выполнено.

Высокое лётное мастерство, бесстрашие и боевую взаимовыручку проявляли многие и многие. Однажды над вражеской территорией в самолёте младшего лейтенанта Невижина был пробит бензобак. Пришлось делать вынужденную посадку. А рядом фашисты, Невижин поджёг самолет и приготовился дорого отдать свою жизнь. Но тут в небе раздался гул самолета и возле Невижина опустился ПО-2. Это на выручку пришел лётчик Ивайкин и спас товарища.

Достоин воевали лётчики Смирнов, Кузьменко, Булаев. Десятки вылетов совершил лейтенант Сидоров. С 23 мая по 17 июня совершено 134 ночных вылета к партизанам в район Селявщины, что в 40 километрах севернее Полоцка. Им было доставлено 3650 килограммов грузов, перевезено в тыл врага 53 человека и вывезено 47 раненых и больных. В полку среди мужчин была одна женщина – М.Г. Соколова. Но по числу боевых вылетов она от них не отставала. Героически вели себя при спасении подбитых товарищей младший лейтенант Харькин,

младший лейтенант Балов и другие. Почти весь личный состав, полка был награжден орденами и медалями, полк получил наименование «Митавский», удостоен ордена Красной Звезды.

Отгремели залпы войны. Многие лётчики не расстались с авиацией. И. Л. Карпук, участвовавший в параде Победы, трудился пилотом в управлении международных воздушных сообщений. Ему присвоено звание «Заслуженный лётчик СССР». Бывшему штурману полка Е.С. Епишко присвоено звание «Заслуженный штурман СССР». Тысячи часов провели в мирном небе А.М. Мельников и Л.В. Харькин.

Состоялись встречи торопчан в Пасвалисе (Литва) и Елгаве (Латвия). Большую помощь по организации встреч ведёт бывший лётчик полка, а потом шеф-пилот маршала Баграмяна В.А. Сидоров, нынешний председатель Совета ветеранов.

В 38-ю годовщину Победы над фашизмом и в 40-ю годовщину формирования полка однополчане решили встретиться в Торопце, побывать в Понизовье, там, где проходили их суровые фронтовые будни.

*Шуринов В. Воздушные связисты // Знамя труда. – 1983. - 7 мая.*

### Военный аэродром у деревни Колпачки

Колпачки... Небольшая деревушка на территории бывшего Понизовского сельсовета. Сейчас её уже нет, но в военной истории Торопецкого района эта деревенька сыграла важную роль.

В 1943 году, во второй половине июля, сюда прибыла группа офицеров-авиаторов. Возглавлял ее майор Семен Савельевич Маршалкович. Во время разведывательных полетов на самолете У-2 он заметил как-то небольшую полянку. По-видимому, образовалась она недавно вследствие лесного пожара и поэтому еще не была отмечена на лётных картах.

Было решено разместить возле деревин Колпачки вновь формирующийся 11-й разведывательный авиационный полк (ОРАП).

Время строительства полевого аэродрома, отпущенное С. Маршалковичем, даже по условиям военного времени было сверхкоротким - всего трое суток. Днем и ночью посменно здесь трудились лётчики и люди в гражданской одежде - жители окрестных деревень, собранные председателем местного колхоза М.А. Александровым.

Прошло трое суток, и сонную тишину деревенских улиц разорвал мощный гул пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Они приземлялись на бывшей лесной поляне. С этого дня гул не стихал с раннего утра и до позднего вечера: самолеты с аэродрома Колпачки взлетали один за другим.

Началась боевая учеба. Лётчики, штурманы и стрелки-радисты учились управлять новой техникой, накапливали опыт

самолетовождения и ведения радиосвязи.

Самолет, созданный конструкторским бюро Владимира Михайловича Петлякова, был грозным оружием и по многим параметрам превосходил зарубежные машины подобного типа. Самолет мог развить скорость 540 километров в час, имел высоту полета 8000 метров, дальность действия составляла 1200 километров. На борту мог нести до 1 тонны бомбового груза. У него были бронированные кабины для пилота и стрелка-радиста. Кроме того, на нём устанавливалось 5 пулеметов, из которых три – крупнокалиберные.

Пе-2 обслуживал экипаж в составе пилота (он же командир корабля), штурмана и стрелка-радиста.

Первого августа 1943 года в деревеньку Колпачки прибыл командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации М. М. Громов. Тот самый, что вместе с летчиками Байдуковым и Беляковым совершал арктические перелеты. Личный состав полка был построен на аэродроме в парадном обмундировании с боевыми наградами. Командир зачитал приказ о формировании 11-го ОРАП и назначении его командиром майора С. С. Маршалковича.

Этот день по праву считается днем рождения полка. С этого дня начались постоянные вылеты экипажей на боевые задания в тыл врага при проведении наступательных операций.

Но полк нёс боевые потери. Некоторые экипажи гибли далеко за линией фронта. Не вернулся с боевого задания на свой аэродром экипаж лейтенанта Карпова, никто не знает, где и как он был сбит. Некоторые горящие машины, потеряв управление, падали и разбивались на своей территории.

Погибших лётчиков хоронили возле аэродрома Колпачки, на поляне с молодыми березками. Здесь был погребен и первый командир полка майор С.С. Маршалкович вместе со своим стрелком-радистом. В октябре 1943 года их самолет развил на взлетной полосе большую скорость и вот-вот должен был оторваться от земли. Но в этот момент машину подбросило на ухабе и резко развернуло на взлетной полосе. А рядом – частокол деревьев. Опытный летчик сделать уже ничего не успел. Самолет загорелся, врезавшись в деревья... В живых из экипажа остался только раненый и обгоревший штурман А. С. Глебов.

Еще дважды на аэродром в Колпачки приезжал командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант М. М. Громов. 24 августа он вручил летчику полка старшему лейтенанту В. С. Свирчевскому орден Ленина и Золотую звезду Героя Советского Союза. Владимир Степанович Свирчевский был первым в воздушной армии из тех, кто в годы Великой Отечественной войны был удостоен высокой награды. Вторым летчиком, ставшим Героем Советского Союза на торопецкой земле, был Николай Ермолаевич Самохин. Ему также вручил высокую

награду генерал-лейтенант М. М. Громов.

Немногим более года просуществовал аэродром Колпачки. В конце октября 1944 года полк перебазировался на аэродром Пеньково, расположенный в 25 километрах севернее Велижа.

11-й ОРАП воевал до конца войны. Свой боевой путь, начатый под Торопцем, он закончил в Кенигсберге. К концу войны полк носил уже длинное и почетное название – «11-й отдельный разведывательный авиационный Витебский орденов Красного Знамени и Кутузова III степени полк». В его составе к тому времени было уже 9 Героев Советского Союза.

*Веселов Е.В. Военный аэродром у деревни Колпачки // Мой край. – 2000. - 15 февр.*

# **Торопецкий край в годы Великой Отечественной войны**

Ответственный за выпуск - А.В. Латышева

Составитель - Л.И. Медведева

Компьютерный набор - Л.И. Медведева

Художественное оформление и верстка - А.А. Лапченко